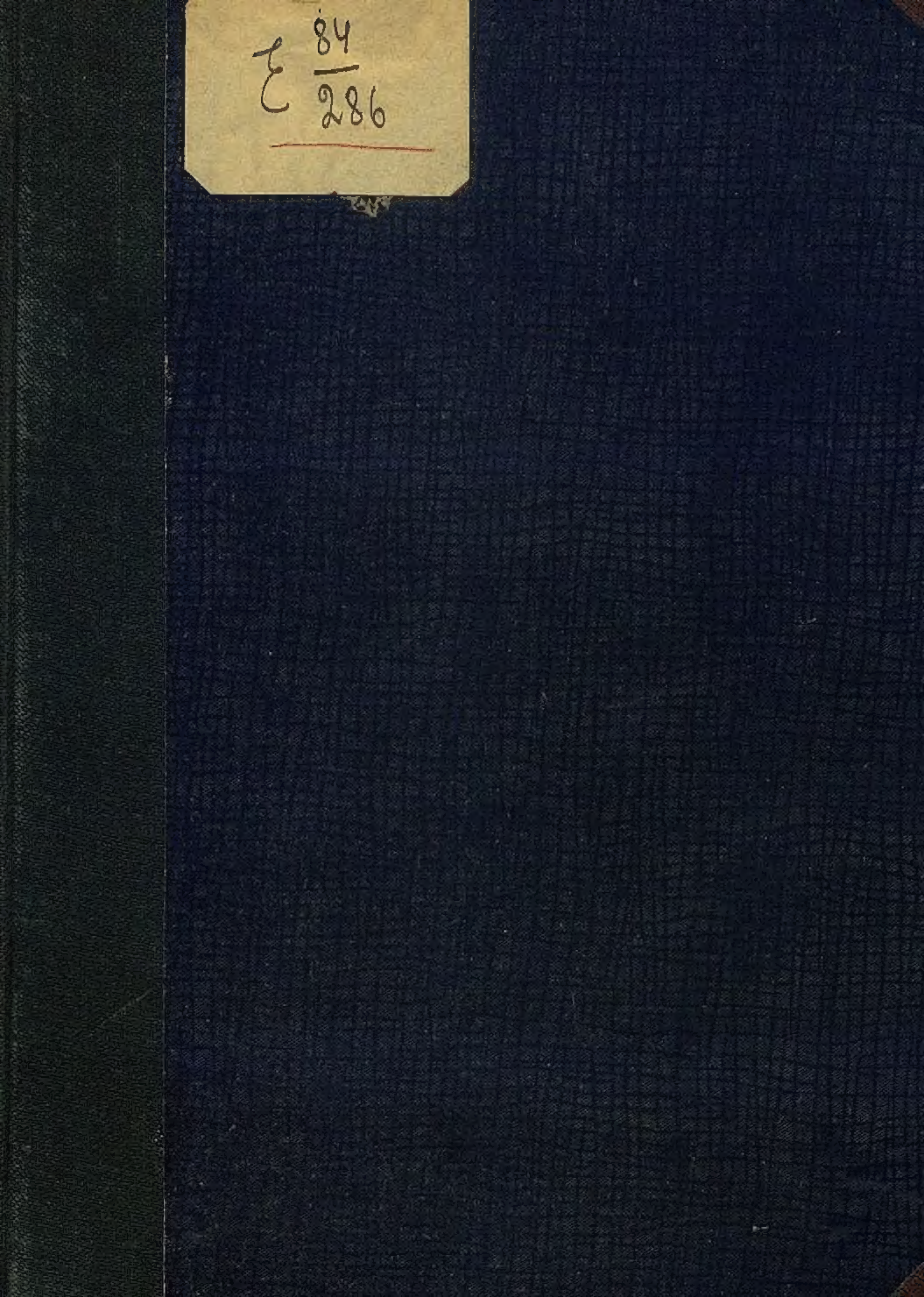

Современная Библіотека.

В. М. Хвостовъ.

Профессоръ Московскаго Университета

Общественное мнѣніе
и
политическія партіи.

Изданіе
Т-ва И. Д. Сытина.

Цѣна **15** коп.

Современная Библіотека.

В. М. Хвостовъ.

Профессоръ Московскаго Университета.

Общественное мнѣніе и политическія партіи.

Изданіе
Т-ва И. Д. СЫТИНА.

По опредѣленію юридическаго факультета печатать разрѣшается.
17 февраля 1906 г. Деканъ *А. С. Алексѣевъ*

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., св. домъ.
МОСКВА. — 1906.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Общественное мнѣніе 5

II. Политическія партіи и ихъ классификаціи. 23

III. Значеніе партій въ политической жизни народа 43

I. Общественное мнѣніе.

I.

Въ жизни современныхъ демократическихъ государствъ общественное мнѣніе и политическія партіи играютъ весьма видную роль. Если политическое устройство въ государствахъ нашего времени представляетъ изъ себя сложный механизмъ, который иногда сооружется спеціалистами съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ политическаго искусства, на основаніи послѣдняго слова соціальныхъ наукъ, то общественное мнѣніе и политическія партіи являются той силой, которою поддерживается движеніе этого механизма и опредѣляется содержаніе его продуктовъ. Если это и не единственная сила, то во всякомъ случаѣ одна изъ самыхъ основныхъ. Мы начнемъ нашъ анализъ съ общественнаго мнѣнія.

Мы называемъ общественнымъ мнѣніемъ то отношеніе, которое общество принимаетъ къ какому-либо вопросу или событію, при чемъ члены общества сознаютъ свою солидарность въ воззрѣніяхъ по данному поводу. Такимъ образомъ, въ составъ нашего опредѣленія входятъ два признака: 1) солидарность отношенія группы лицъ къ извѣстному вопросу, 2) сознаніе съ ихъ стороны этой солидарности. Послѣдній признакъ имѣетъ немаловажное значеніе, такъ какъ именно это сознаніе солидарности съ массой другихъ людей придаетъ каждому индивиду особенно сильную увѣренность въ своей правотѣ и развиваетъ въ немъ особую степень настойчивости

въ отстаиванiи и проведенiи на практикѣ своего воззрѣнiя. На этомъ и основано значенiе общественнаго мнѣнiя, какъ соцiальной силы. Всякая идея неизбѣжно стремится къ реализацiи; тѣмъ съ большею силою стремится къ осуществленiю идея, за которую стоитъ масса людей, ею воодушевляемая и сплочиваемая.]

Но здѣсь сразу возникаетъ предъ нами серьезное затрудненiе. Какимъ путемъ можетъ быть достигнута на практикѣ солидарность въ отношенiи къ какому-либо вопросу въ современныхъ государствахъ, въ средѣ ихъ многомиллiоннаго населенiя? Не является ли общественное мнѣнiе въ сущности только теоретической фикцiей, понятiемъ, не имѣющимъ реальнаго содержанiя?

[Солидарность членовъ общества во вкусахъ и воззрѣнiяхъ легко достигается въ мало развитыхъ культурно и немногочисленныхъ по составу соцiальныхъ группъ. Чѣмъ ниже въ культурномъ отношенiи стоитъ такая группа, тѣмъ менѣе развито въ ея членахъ чувство личнаго достоинства, тѣмъ менѣе обнаруживаются въ ней различiя между индивидуальными воззрѣнiями и вкусами отдѣльныхъ членовъ, тѣмъ въ большей степени напротивъ, находятся ея члены подъ подавляющимъ личность и сравнивающимъ всѣ различiя господствомъ прочно сложившихся традицiонныхъ нравовъ и воззрѣнiй. Этому способствуетъ въ значительной степени то обстоятельство, что въ малочисленной и малокультурной общественной средѣ весь общественный бытъ отличается большой простотой: раздѣленiе труда здѣсь мало развито, общество не распадается на группы, различныя по занятiямъ и образу жизни. Простотѣ быта, однообразiю состава общества и однородности занятiй его членовъ соотвѣтствуетъ и однородность вкусовъ и воззрѣнiй.]

Но въ современныхъ цивилизованныхъ странахъ мы не находимъ ничего подобнаго. Здѣсь мы встрѣчаемся съ многолюдными государствами, хозяйство которыхъ отличается необычайной сложностью, будучи основано на широко проведенномъ раздѣленiи труда, сложныхъ мѣновыхъ и кредитныхъ отношенiяхъ. Поэтому мы не найдемъ здѣсь однородной общественной массы. Чувство личности сравнительно очень развито въ населенiи

современныхъ демократическихъ государствъ. Соотвѣтственно съ этимъ общія традиціонныя воззрѣнія не имѣютъ здѣсь такой широкой сферы примѣненія и не оказываютъ такого подавляющаго воздѣйствія на образъ мыслей отдѣльныхъ членовъ общества. Каждый въ значительной степени воленъ создавать свои собственныя воззрѣнія на вещи, и многіе поставлены въ такія условія, что, дѣйствительно, мыслятъ болѣе или менѣе оригинально. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемся съ большимъ разнообразіемъ личныхъ мнѣній и вкусовъ. Съ другой стороны, въ силу сложности соціальныхъ и экономическихъ отношеній, эти многолюдныя общества распадаются на массу отдѣльныхъ классовъ и организацій. Внутренно эти классы и организаціи объединяются общностью интересовъ и иногда также воззрѣній ихъ сочленовъ. Но зато они нерѣдко стоятъ между собой въ болѣе или менѣе рѣзко выраженныхъ враждебныхъ отношеніяхъ. Въ основѣ такого расчлененія общества на классы и отдѣльныя организаціи лежатъ самые различные интересы: экономическіе, политическіе, религіозные, культурные и т. п. Притомъ, въ виду спеціальнаго характера этихъ интересовъ и вызываемыхъ ими организацій, каждый гражданинъ можетъ одновременно являться членомъ нѣсколькихъ такихъ организацій, такъ какъ ни одна изъ нихъ не удовлетворяетъ всѣмъ его интересамъ; на этой почвѣ возможны опять-таки самыя разно образныя сочетанія и комбинаціи.

Можемъ ли мы при такихъ условіяхъ говорить о существованіи общественнаго мнѣнія въ подобныхъ странахъ? Можетъ ли столь разнородное по составу и по воззрѣніямъ общество объединиться на почвѣ общихъ его членамъ воззрѣній, чувствъ и стремленій?

Конечно, при этихъ условіяхъ значительно затрудняется объединеніе общества. Если ихъ вліяніе не парализуется какими-нибудь противоположными вліяніями, то объединеніе это и не наступаетъ, т.-е. общественное мнѣніе не возникаетъ. Это бываетъ нерѣдко. Случается, что по извѣстному вопросу слагается опредѣленное мнѣніе только въ нѣкоторыхъ слояхъ общества; это бываютъ обыкновенно или тѣ слои, которыхъ интересы непосредственно задѣваются даннымъ вопросомъ, или же тѣ,

которые отличаются сравнительно съ другими особою чуткостью къ вопросамъ соціальной жизни. Остальная масса общества остается при этомъ совершенно равнодушной къ данному вопросу и никакимъ образомъ на него не реагируетъ. При такихъ условіяхъ только мнѣніе тѣхъ слоевъ общества, которые высказали свое отношеніе къ извѣстному вопросу, и можетъ претендовать на значеніе общественнаго мнѣнія, только оно и оказываетъ свое вліяніе на ходъ событій. Каково это вліяніе — это зависитъ уже отъ соціальной силы и значенія того общественнаго класса, который выступилъ какъ выразитель общественнаго мнѣнія. Если этотъ классъ обладаетъ большимъ соціальнымъ вѣсомъ, то его мнѣніе можетъ имѣть огромное практическое значеніе при индифферентномъ отношеніи массы, хотя бы онъ самъ и составлялъ меньшинство населенія и хотя бы его требованія шли въ разрѣзъ съ интересами пассивной массы. На этомъ и основанъ перевѣсъ, который въ жизни общества часто получаютъ элементы аристократическіе, плутократическіе и т. п. На этомъ основано и преобладающее вліяніе, которое оказываютъ на ходъ политической жизни наиболѣе образованные слои общества.

Но возможно и такое положеніе, что въ средѣ круговъ, которые вообще задаютъ тонъ въ политической жизни общества, единогласія не образуется. Общественное мнѣніе можетъ разбиться на цѣлый рядъ несогласимыхъ другъ съ другомъ теченій. Въ такомъ случаѣ единаго общественнаго мнѣнія и не возникаетъ. Однако такое положеніе можетъ оказаться только временнымъ, переходнымъ. Съ теченіемъ времени могутъ выдвинуться впередъ нѣкоторыя теченія, какъ преобладающія. Эти теченія вступаютъ между собою въ борьбу; происходитъ то явленіе, которое Тардъ остроумно окрестилъ именемъ логическаго поединка идей [1]), и подобный поединокъ можетъ кончиться побѣдой какой-нибудь идеи. Такая побѣда можетъ быть неполной: несмотря на всѣ компромиссы, на которые пошли сторонники восторжествовавшей идеи, могутъ оказаться „непримиримые“, кото-

1) См. *Тардъ*. „Соціальная логика“ (пер. Цейтлинъ), стр. 232. „Законы подражанія“ (изд. Павленкова), стр. 159, сл.

рые ни на какія уступки не идутъ. Это не помѣшаетъ говорить о наличности общественнаго мнѣнія, какъ мнѣнія господствующаго: господствующее мнѣніе не есть мнѣніе единогласное, всѣми раздѣляемое; оно потому и называется „господствующимъ", что рядомъ съ нимъ существуютъ другія негосподствующія воззрѣнія.

Случается, что такіе поединки идей захватываютъ не только наиболѣе чуткіе къ общественнымъ вопросамъ или наиболѣе заинтересованные слои общества, но и всю массу общества. Это предполагаетъ или слишкомъ важный характеръ вопроса, который затрогиваетъ интересы всего населенія, или же сравнительно очень высокій уровень умственнаго и нравственнаго развитія массы, при которомъ она начинаетъ реагировать на сравнительно менѣе бросающіеся въ глаза поводы. Что такое развитіе не необходимо безусловно, но иногда достаточно бываетъ просто чрезмѣрной важности вопроса, о которомъ идетъ рѣчь, это показываютъ, напр., случаи возбужденія народныхъ массъ патріотическимъ чувствомъ противъ иноземнаго нашествія (наша „Отечественная" война 1812 года).

Если въ той или иной формѣ сложилось общественное мнѣніе, то оно представляетъ собой величину, съ которой нельзя не считаться. Сложившись, оно стремится реализоваться, и простой отказъ съ нимъ считаться можетъ быть весьма опасенъ. Конечно, современныя государства обладаютъ могущественнымъ средствомъ для того, чтобы заставлять членовъ общества подчиняться рѣшеніямъ органовъ власти; такимъ средствомъ является армія, организованная военная сила, снабженная всѣми приспособленіями современной техники. Развитіе этой силы оказало большое вліяніе на ходъ политическихъ событій. „Теперь уже нельзя произвести возстанія съ помощью оружія поединковъ, — говоритъ Сеньобосъ, — разграбивъ оружейныя мастерскія; теперь немыслима борьба между обладателями охотничьихъ ружей и солдатами, вооруженными боевыми ружьями; никакая баррикада не устоитъ передъ современными пушками. И, несомнѣнно, не простое совпаденіе, что революціи и возмущенія, столь частыя въ Европѣ до 1848 года, совершенно прекратились со времени преобразованія воору-

женія. Германскій соціалъ-демократъ Бебель указалъ причину этого (1890 г.): „*Я уже говорилъ о томъ, къ чему привела бы революція, произведенная самое большее 200.000 человѣкъ: въ это время скорострѣльныхъ ружей и пушекъ Максима насъ бы перестрѣляли, какъ воробьевъ*" [1]).

Изъ этого, однако, вовсе не слѣдуетъ, что значеніе общественнаго мнѣнія умалилось по мѣрѣ прогресса военной техники и что оно перестало быть важной общественной силой. Никогда не нужно упускать изъ вида основной истины, что государство, какъ и всякое человѣческое общество, держится исключительно на психической связи между его членами и что ни одно государство не можетъ ослаблять эту связь безъ риска для своего собственнаго существованія. Между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что власть, упорно игнорирующая общественное мнѣніе, дѣйствуетъ именно въ такомъ направленіи: она ослабляетъ ту связь между властью и населеніемъ, которою держится по существу государственный союзъ, и ведетъ себя къ гибели.

Правительство, которое рѣшило бы поддерживать себя только при помощи вооруженной силы, должно бы было считаться съ тѣмъ, что бываютъ такія положенія, которыя дѣлаютъ населеніе равнодушнымъ и къ вооруженной силѣ. Если затронутые интересы представляются слишкомъ цѣнными, то граждане рѣшаются ихъ отстаивать даже противъ силы оружія. А затѣмъ правительство, которое вступаетъ въ систематическую вооруженную борьбу со своими подданными, должно учесть и всѣ тѣ неисчислимыя культурныя и экономическія бѣдствія, къ которымъ приводитъ подобная междоусобная война, то ослабленіе производительныхъ силъ, на которое она осуждаетъ населеніе [2]).

Къ этому слѣдуетъ добавить, что по мѣрѣ роста военной техники измѣняются техническія условія и въ другихъ областяхъ жизни. Какъ мы увидимъ ниже, среди этихъ

---

[1]) *Сеньобосъ*. „Политическая исторія современной Европы" (3-е изд. Т-ва „Знаніе", 1903 г.), т. II, стр. 559.

[2]) См. къ этому Sidgwick. „Elements of Politics" (1897), chapt. XXXI.

измѣненій есть много такихъ, которыя сами по себѣ помогаютъ формированію и проявленію общественнаго мнѣнія Въ результатѣ можно сказать, что прогрессъ техники не только не ослабляетъ значенія общественнаго мнѣнія, какъ соціальной силы, но, повидимому, скорѣе способствуетъ усиленію его значенія. Мѣняются лишь формы его проявленія и проведенія въ жизнь; эти формы дѣлаются утонченнѣе: на мѣсто революціи съ оружіемъ въ рукахъ выступаютъ поединки идей въ болѣе чистой формѣ.

Общественное мнѣніе проявляется вовнѣ въ самыхъ различныхъ формахъ. Для этого служитъ печать, періодическая и непеіодическая, каждая въ своей сферѣ и со своими средствами воздѣйствія; для того же служатъ всякаго рода коллективныя заявленія и петиціи; о значеніи представительныхъ учрежденій мы поговоримъ ниже.

Часто случается, что шумная политическая манифестація сама по себѣ оказывается хорошимъ средствомъ не столько для проявленія, сколько для сформированія общественнаго мнѣнія. Дѣло въ томъ, что искусно подготовленная политическая манифестація производитъ иллюзію уже вполнѣ сложившагося общественнаго мнѣнія. Именно съ этой стороны она и производитъ послѣдствія: она заставляетъ неувѣренныхъ и колеблющихся пристать къ извѣстному теченію, такъ какъ они полагаютъ, что за нимъ скрывается большая соціальная сила. Въ этомъ иногда состоитъ все значеніе большихъ народныхъ митинговъ, умѣло организуемыхъ ихъ устроителями [1]).

II.

Разныя соціальныя условія могутъ быть въ большей или меньшей степени благопріятны для объединенія общественнаго мнѣнія. Поэтому значеніе и характеръ общественнаго мнѣнія не были одинаковы въ различныя

---

[1]) См. къ этому Ostrogorski. „La démocratie et l'organisation des partis politiques“. (1903 г.), т. I, стр. 432, сл. 483.

историческія эпохи, и при разныхъ политическихъ условіяхъ.

Въ небольшихъ греческихъ республикахъ-городахъ общественное мнѣніе создавалось путемъ непосредственнаго обмѣна мыслями въ мѣстахъ общественныхъ собраній, который постоянно происходилъ въ средѣ сравнительно небольшой группы людей, составлявшихъ классъ свободныхъ гражданъ античной демократіи. Свое выраженіе общественное мнѣніе находило въ постановленіяхъ народныхъ собраній и отчасти въ литературѣ, особенно драматической, гдѣ нерѣдко произносились вердикты общественнаго мнѣнія по злободневнымъ вопросамъ. Въ непосредственныхъ демократіяхъ, каковыми были эти античныя республики, общественное мнѣніе, безпрепятственно и не нуждаясь въ какой-либо передаточной инстанціи, отражалось на законахъ, издаваемыхъ общими собраніями гражданъ, и даже на судебныхъ рѣшеніяхъ, нерѣдко исходившихъ изъ того же источника. Если общественное мнѣніе не отличалось устойчивостью и не поддавалось власти твердо установленныхъ идеаловъ или прочно вкоренившейся традиціи, то такою же неустойчивостью отличались и законодательство, и отправленіе суда.

Въ древнемъ Римѣ мы встрѣчаемся съ такой же небольшой непосредственной демократической республикой. Но здѣсь, въ отличіе, напримѣръ, отъ аѳинской демократіи, значительно большей силой отличается авторитетъ традиціи, а потому наблюдается бо́льшая устойчивость въ законодательствѣ, бо́льшее уваженіе къ традиціоннымъ органамъ власти и къ установившемуся правопорядку. По отношенію къ вопросамъ общественной нравственности римляне создали особый органъ для систематическаго выраженія общественнаго мнѣнія; я разумѣю цензора съ его извѣстнымъ контролемъ за нравами гражданъ (regimen morum). Къ концу республики условія измѣнились къ худшему: народныя собранія города Рима попрежнему законодательствовали для всего государства, но они перестали быть выразителями общественнаго мнѣнія не только всего населенія, но и класса римскихъ гражданъ, такъ какъ территорія, занимаемая послѣдними, слишкомъ расширилась, чтобы даже значительная

часть ихъ могла являться на собранія. Народныя собранія выражали лишь мнѣніе римскаго населенія, а это мнѣніе выродилось и не отличалось уже ни прежнею серьезностью, ни прежнею устойчивостью, ни прежнею искренностью. Во времена имперіи значеніе общественнаго мнѣнія падаетъ еще болѣе: городъ Римъ теряетъ теперь свое прежнее значеніе единственнаго правящаго центра и утрачиваетъ республиканскія учрежденія, дававшія практическое значеніе и выраженіе мнѣнію его населенія. Взамѣнъ этого не создается какого-либо иного общественнаго мнѣнія, которое объединяло бы собой населеніе обширнаго политическаго цѣлаго. Между отдѣльными частями имперіи слишкомъ велика была культурная и политическая рознь, сношенія между ними не были достаточно интенсивны, а потому и не могло устанавливаться общественное мнѣніе общеимперскаго характера. Это отсутствіе духовной связи и было одной изъ главныхъ причинъ послѣдовавшаго въ концѣ-концовъ распаденія имперіи и крушенія античной культуры. Впрочемъ, это касается лишь имперіи, взятой какъ цѣлое. Общественное мнѣніе отдѣльныхъ провинцій долго еще находило себѣ выраженіе на особыхъ провинціальныхъ съѣздахъ, которые нерѣдко обращали вниманіе императоровъ на свои нужды.

Съ аналогичными условіями встрѣчаемся мы въ продолженіе среднихъ вѣковъ. Населеніе тогдашнихъ государствъ слишкомъ разобщенно живетъ, чтобы могло составляться мнѣніе большихъ территоріальныхъ единицъ. Во-первыхъ, сознаніе государственнаго единства долго еще было слишкомъ слабо. Для каждаго гораздо больше практическаго значенія имѣла та сословная или мѣстная группа, къ которой онъ принадлежалъ, или же связь его съ даннымъ политическимъ патрономъ, нежели весь государственный союзъ, къ которому относились эта группа или патронъ. Поэтому могло создаваться мѣстное мнѣніе отдѣльныхъ общественныхъ группъ и организацій, но не общественное мнѣніе болѣе или менѣе обширной страны по общегосударственнымъ вопросамъ. Слабо было развито и то сознаніе національной общности и единства, которое съ такой силой выдвинулось въ наше время. Недостаточно были развиты почтовыя

сообщенія и вообще средства передвиженія; это дѣлало невозможнымъ обмѣнъ мыслей по вопросамъ дня между общественными группами, раздѣленными территоріально. Сословныя и вѣроисповѣдныя перегородки также разъединяли общество. Наконецъ, это было время вообще сравнительной неподвижности общественной и политической мысли; слишкомъ были велики повсюду сила авторитета и власть католической церкви и ея традиціи, чтобы можно было ожидать образованія столь свободнаго и столь измѣнчиваго общественнаго мнѣнія, съ какимъ мы встрѣчались въ античныхъ республикахъ. Съ значительнымъ основаніемъ можно утверждать, что средневѣковыя государства объединяются не столько общими чувствами и воззрѣніями населенія, сколько внѣшнимъ единствомъ государственной власти, задачи которой не особенно глубоко захватываютъ повседневную жизнь населенія. Только власть имѣла въ эту эпоху средства быть освѣдомленной о жизни всего политическаго цѣлаго, только она могла вносить извѣстное единство въ разнообразіе мѣстной и сословной жизни. Принимая это во вниманіе, Тардъ выставляетъ положеніе, что въ эту эпоху власть не столько *выражала* единство націи, какъ теперь, но въ значительной степени сама устанавливала и *создавала* это единство [1]).

По мѣрѣ приближенія къ новому времени эти условія мѣняются. Гуманизмъ усилилъ самосознаніе личности, вѣру въ творческій геній человѣчества и соотвѣтственно ослабилъ во всѣхъ областяхъ мысли значеніе авторитета и безусловное господство традиціи. На почвѣ усиленія государственной власти и ослабленія космополитическаго господства католической церкви начинаетъ крѣпнуть чувство государственнаго единства. Рука объ руку съ этимъ идетъ ослабленіе значенія политическаго патроната, ослабленіе сословныхъ и профессіональныхъ мѣстныхъ организацій. Но вмѣстѣ съ этимъ усиливается и расширяется другого рода, болѣе широкое общеніе. Почтовыя сношенія ускоряются и дѣлаются все болѣе широко доступными. Развитіе придворной жизни создаетъ

---

[1]) *Тардъ.* „Общественное мнѣніе и толпа“, стр. 71.

въ столицахъ крупные культурные и политическіе центры. Книгопечатаніе создало могущественное средство для распространенія идей изъ этихъ центровъ въ окружности и для внесенія единства въ возрѣнія широкихъ круговъ общества. Если въ античномъ мірѣ и въ средніе вѣка намъ по преимуществу приходится имѣть дѣло, по терминологіи того же Тарда [1]), съ толпой, т.-е. съ массой людей, которые объединяются непосредственной физической близостью другъ къ другу, то теперь все болѣе начинаетъ выступать на первый планъ публика, въ смыслѣ группы людей, объединяемой воздѣйствіемъ на разстояніи, путемъ, главнымъ образомъ, печатнаго слова.

Всѣ эти условія создаютъ возможность объединенія широкихъ общественныхъ круговъ на общихъ интересахъ и общихъ точкахъ зрѣнія. Быстрое распространеніе политическихъ извѣстій само по себѣ повышаетъ интересъ общества къ вопросамъ общей политики. Соотвѣтственно съ этимъ уже въ XVIII вѣкѣ мы встрѣчаемся на западѣ Европы, по крайней мѣрѣ въ передовыхъ странахъ, съ довольно развитымъ общественнымъ мнѣніемъ. Во Франціи это мнѣніе получаетъ руководство изъ Парижа и, будучи достаточно сплочено, начинаетъ дѣятельную борьбу со старымъ порядкомъ; притомъ господствующимъ мнѣніемъ здѣсь оказывается мнѣніе среднихъ классовъ, буржуазіи и мелкаго духовенства, которые и вступаютъ въ упорную борьбу съ высшими привилегированными сословіями. Въ Англіи XVIII вѣкъ былъ эпохой главенства въ политической жизни высшихъ классовъ общества, nobility и gentry, которые и создавали общественное мнѣніе страны; но бывали случаи, когда на сцену выступали съ митингами и петиціями и болѣе широкіе слои населенія.

Еще болѣе благопріятныя условія для выработки общественнаго мнѣнія по вопросамъ текущей политики создаются въ теченіе XIX столѣтія. Огромное значеніе въ этомъ отношеніи имѣлъ прогрессъ техники. Отмѣтимъ хотя бы появленіе желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, теле-

[1]) *Тардъ.* Ук. соч. стр. 1, сл.

графовъ, телефоновъ. Весьма важное значеніе имѣло развитіе періодической печати. Пресса произвела въ наши дни огромное вліяніе на процессъ выработки общественнаго мнѣнія. Прежде книга имѣла гораздо больше значенія въ этомъ отношеніи, нежели теперь. Правда, отмѣчаются нѣкоторыя темныя стороны этого явленія. Указываютъ на то, что, благодаря чрезмѣрному развитію періодической печати, руководство общественнымъ мнѣніемъ перешло въ менѣе авторитетныя руки, сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда главнымъ средствомъ воздѣйствія на общественную мысль служила книга. Указываютъ, далѣе, на то, что ежедневная печать сообщаетъ сразу слишкомъ большую массу извѣстій и мѣняетъ ихъ въ слишкомъ короткіе промежутки времени; это ведетъ къ дробленію вниманія читателя и къ тому, что менѣе важныя мелочи заслоняютъ болѣе крупные вопросы. Но всѣ эти возраженія не покрываютъ тѣхъ огромныхъ услугъ, которыя оказываетъ періодическая пресса въ смыслѣ демократизаціи политики, распространенія въ массахъ политическихъ свѣдѣній и оживленія въ этихъ же массахъ сознательнаго интереса къ политической жизни. Не слѣдуетъ забывать и того, что только при существованіи ежедневной политической прессы можно достигнуть настоящей публичности въ дѣятельности судебныхъ учрежденій и представительныхъ коллегій. Собранія представителей старой Европы не только были мѣстно разобщены съ избирателями, но и дѣйствовали внѣ ихъ постояннаго наблюденія и контроля; это, конечно, не могло не отражаться на характерѣ ихъ работы: эти собранія не были въ такой мѣрѣ выразителями мнѣнія страны, какъ теперешніе парламенты; уже по этой причинѣ они представляли скорѣе особыя политическія единицы со своимъ особымъ мнѣніемъ, недостаточно тѣсно связанныя со всѣмъ населеніемъ страны. Даже въ Англіи XVIII вѣка засѣданія парламента были непубличны, и многихъ усилій стоило добиться разрѣшенія печатать отчеты о нихъ во всеобщее свѣдѣніе. А подъ этой тайной скрывалось немало злоупотребленій.

Современныя государства лишь въ рѣдкихъ случаяхъ построены по типу непосредственныхъ демократій, въ родѣ античныхъ республикъ. Этому препятствуютъ какъ

ихъ огромные размѣры, такъ и отсутствіе класса вполнѣ безправныхъ рабовъ, наличность котораго значительно упрощала функціонированіе этой формы государственнаго строя въ древности. Въ большинствѣ случаевъ современныя государства организованы на началахъ народнаго представительства. Представительныя учрежденія нельзя считать вполнѣ и во всѣхъ случаяхъ за правильные показатели содержанія общественнаго мнѣнія. Обыковенно правильно устроенное и свободно функціонирующее демократическое представительство довольно вѣрно отражаетъ состояніе общественнаго мнѣнія. Но бываютъ случаи, когда и такіе парламенты расходятся съ мнѣніемъ страны. Тутъ можетъ отразиться дѣйствіе партійной организаціи, можетъ повліять недостаточная освѣдомленность ихъ о мнѣніи послѣднихъ. Роспускъ палаты въ этихъ случаяхъ есть средство ознакомиться съ истиннымъ мнѣніемъ страны. Выборы являются средствомъ для того, чтобы установить согласіе парламента съ обществомъ. Если правительство до срока распускаетъ палаты и назначаетъ новые выборы, то это значитъ, что оно аппелируетъ къ общественному мнѣнію страны противъ даннаго состава парламента и надѣется, что выборы обнаружатъ несогласіе мнѣнія страны съ даннымъ составомъ депутатовъ [1]).

---

[1]) По вопросу объ отношеніи общественнаго мнѣнія къ законодательству Дайси въ своей новой книгѣ „Lectures on the relation between law and public opinion in England" (1905) выставляетъ слѣдующую формулу (стр. 9): „Можетъ не существовать никакого мнѣнія въ точномъ смыслѣ этого слова относительно измѣненія закона; мнѣніе, которымъ опредѣляется развитіе права, можетъ не быть общественнымъ мнѣніемъ; наконецъ, можетъ отсутствовать законодательный органъ, приспособленный къ проведенію измѣненій законовъ, которыя требуются общественнымъ мнѣніемъ". Этотъ же авторъ указываетъ, что иногда законъ самъ вліяетъ на формированіе общественнаго мнѣнія: законъ, изданный по частному случаю, можетъ обратить вниманіе общества на какой-нибудь новый принципъ, лежащій въ сущности въ основѣ закона, но не вполнѣ въ немъ развитой; и тотъ фактъ, что этотъ принципъ, хотя случайно и не вполнѣ, но признанъ законодательной властью, можетъ самъ по себѣ сильно повліять на измѣненіе общественнаго мнѣнія въ духѣ новаго

III.

Изъ сказаннаго ясно, какая связь существуетъ между общественнымъ мнѣніемъ и представительными учрежденіями въ современныхъ государствахъ. Представительныя учрежденія, правильно построенныя и свободно функціонирующія, даютъ возможность общественному мнѣнію оказывать прямое вліяніе на политику страны. Пока общественное мнѣніе не развилось и не представляетъ изъ себя крупной соціальной силы, до тѣхъ поръ и потребность въ представительныхъ учрежденіяхъ не даетъ себя знать въ видѣ болѣе или менѣе открыто выражаемыхъ требованій созданія такихъ учрежденій. Но разъ общественное мнѣніе сложилось, оно неудержимо рвется наружу, оно начинаетъ проявляться самыми различными способами и стремиться къ реальному воздѣйствію на политику и законодательство. Народъ, который началъ проявлять живой интересъ къ своей политической жизни, который началъ реагировать на нее опредѣленною оцѣнкой ея событій,—такой народъ не можетъ удовлетвориться ролью пассивнаго зрителя своихъ судебъ, онъ не можетъ не пожелать принимать активное участіе въ ихъ устройствѣ. Представительныя учрежденія и являются первой его мечтой, и введенія ихъ настойчиво добивается общественное мнѣніе, какъ необходимаго условія для своего дальнѣйшаго функціонированія. Не считься съ этимъ требованіемъ невозможно.

принципа; такъ, значеніе парламентской реформы 1832 года состояло въ томъ, что она подорвала въ общественномъ мнѣніи святость тѣхъ принциповъ, на которыхъ держался весь государственный строй старой Англіи и повернула окончательно теченіе общественнаго мнѣнія въ сторону демократизаціи парламента; акты 1870—1893 г. о положеніи имущества замужнихъ женщинъ оказали глубокое вліяніе на отношеніе общественнаго мнѣнія къ женскому вопросу и т. п. (стр. 41, сл.). „Законы и мнѣніе такъ переплетены здѣсь, что трудно сказать, сыграло ли бо́льшую роль мнѣніе въ созданіи законовъ, или законы въ созданіи извѣстнаго состоянія законодательнаго мнѣнія... Истинное значеніе законовъ лежитъ не столько въ ихъ прямыхъ слѣдствіяхъ, сколько въ ихъ вліяніи на чувства или убѣжденія общества“.

Мы уже показали, насколько важно удовлетвореніе настойчивыхъ требованій общественнаго мнѣнія для самаго существованія государства. Игнорированіе развивавшагося общественнаго мнѣнія ведетъ къ разрушенію или опасному ослабленію той психической связи, на которой въ концѣ-концовъ зиждется каждое соціальное единство, слѣдовательно, и каждое государство.

Однако противъ только что высказанныхъ идей обыкновенно дѣлаются возраженія. Указываютъ на то, что этихъ соображеній недостаточно, чтобы оправдать введеніе представительныхъ учрежденій. Мало того, чтобы появилось общественное мнѣніе и заявило свои притязанія,—для пользы государства нужно заботиться не допускать его къ активному вмѣшательству въ политику, если нѣтъ увѣренности въ томъ, что оно достаточно зрѣло и что его рѣшенія, дѣйствительно, будутъ клониться ко благу отечества. А между тѣмъ,—говорятъ противники представительныхъ учрежденій,—презумпція всегда говоритъ противъ, а не въ пользу общественнаго мнѣнія. Общественное мнѣніе, какъ и вообще всякое мнѣніе массы, скорѣе можетъ оказаться неразумнымъ, страстнымъ, незрѣлымъ, нежели мнѣніе немногихъ лицъ, привыкшихъ руководить политикой и сдѣлавшихъ изъ этого занятія свою спеціальность.

Это—въ сущности извѣстная хорошо изъ новѣйшей исторіи теорія „ограниченности ума подданныхъ", которую защищали министры Фридриха-Вильгельма III [1]). Нельзя, конечно, спорить съ тѣмъ, что общественное мнѣніе дѣйствительно оказывается иногда и страстнымъ, и неразумнымъ, и незрѣлымъ. Оно раздѣляетъ судьбу всего человѣческаго и точно такъ же далеко отъ идеала, какъ и самая просвѣщенная бюрократія; но дѣлать изъ этого тѣ выводы, которые дѣлались и дѣлаются противниками представительныхъ учрежденій, невозможно. Отстаивать эти выводы можно съ полной послѣдовательностью, только исходя изъ представленій о государствѣ, какъ о чемъ-то существующемъ внѣ подданныхъ и независимо отъ нихъ, какъ о нѣкоей субстанціи, которая существуетъ сама для себя и для которой подданные составляютъ только

[1]) См. *Сеньобосъ:* „Полит. ист. совр. Евр.", т. II, стр. 381.

пассивный матеріалъ, подлежащій благожелательной и строгой опекѣ. Но если смотрѣть на государство, какъ на живое психическое цѣлое, жизнь котораго опредѣляется взаимодѣйствіемъ мысли, чувства и воли входящихъ въ него индивидовъ, то подобное разсужденіе окажется погрѣшающимъ противъ нѣкоторыхъ основныхъ свойствъ этого цѣлаго. Съ этой точки зрѣнія государство живетъ не само по себѣ и не само для себя, но оно живетъ силами своихъ членовъ и для нихъ. Его строй можетъ быть различенъ и въ каждую эпоху отвѣчаетъ состоянію и сочетанію этихъ силъ. Если наступаетъ такой моментъ въ общественномъ развитіи, когда масса гражданъ начинаетъ сознательно относиться къ дѣламъ своего отечества и проявляетъ къ нимъ активный интересъ, то дѣломъ соціальной необходимости является измѣнить строй государства въ соотвѣтствіи съ этимъ новымъ состояніемъ соціальныхъ силъ. Если это не будетъ сдѣлано во-время и въ надлежащемъ видѣ, то такое стѣсненіе правильнаго развитія соціальнаго организма поведетъ къ его заболѣванію, и это заболѣваніе можетъ получить фатальный исходъ. Въ этомъ смыслѣ дать удовлетвореніе потребности общества въ представительныхъ учрежденіяхъ, разъ эта потребность ясно сознается и формулируется обществомъ, есть просто дѣло политической необходимости, дѣло спасенія государственнаго организма отъ грозящей ему въ противномъ случаѣ тяжкой болѣзни. Передъ этими соображеніями блѣднѣютъ всѣ остальныя опасенія, въ чемъ бы они ни состояли.

Слѣдуетъ добавить къ этому, что уже самый фактъ настойчиваго требованія со стороны общества представительныхъ учрежденій самъ по себѣ служитъ въ извѣстной степени ручательствомъ того, что общественная политическая мысль достаточно созрѣла. Это давно уже отмѣчено въ литературѣ. „Самое требованіе политической свободы,—говоритъ Чичеринъ,—отчасти служитъ уже признакомъ зрѣлости общественнаго мнѣнія. Желаніе участвовать въ управленіи государственными дѣлами показываетъ, что политическій интересъ въ обществѣ сильно возбужденъ. Чѣмъ болѣе оно распространено, тѣмъ очевиднѣе, что мысль окрѣпла. Поэтому, когда требованіе высказывается со всѣхъ сторонъ, единодушно

и настойчиво, во всякомъ случаѣ выгоднѣе уступить, нежели итти наперекоръ всѣмъ образованнымъ классамъ народа" [1].

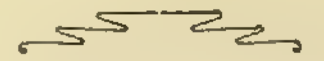
Народъ, который достигъ политической зрѣлости, точно такъ же нельзя удерживать въ рамкахъ политическаго строя, разсчитаннаго на иное состояніе факторовъ политической жизни, какъ нельзя водить въ дѣтскомъ платьѣ выросшаго изъ него юношу. Такое состояніе было бы неудобно для самого юноши, стѣсняя его движенія и мѣшая правильности его развитія, но въ то же время небезопасно и для сохранности сдѣлавшагося слишкомъ узкимъ и повсюду чрезмѣрно натягивающагося платья. Если при всей своей интенсивности общественное мнѣніе окажется недостаточно освѣдомленнымъ по отдѣльнымъ вопросамъ или недостаточно сдержаннымъ, то противъ этого существуетъ только одно лѣкарство: образованіе и политическій опытъ. Возможно широкое и глубокое образованіе народныхъ массъ есть, конечно, одно изъ самыхъ основныхъ условій правильнаго функціонированія общественнаго мнѣнія и представительныхъ учрежденій. Что же касается опыта, то онъ пріобрѣтается практикой. Весьма благопріятнымъ условіемъ является, если народъ, прежде чѣмъ приступить къ широкому центральному самоуправленію, имѣлъ возможность получить нѣкоторый опытъ на почвѣ мѣстнаго самоуправленія. Во всякомъ случаѣ сказанное выше показываетъ, что если самосознаніе народа проснулось и сказывается съ достаточной энергіей, то нельзя отказывать въ удовлетвореніи общественнымъ требованіямъ активнаго участія въ политической жизни, ссылаясь на недостатокъ образованія и опыта; остается пожалѣть, что не было раньше принято мѣръ для устраненія этихъ недостатковъ, и приступить къ ихъ немедленному устраненію въ будущемъ, не ставя въ зависимость отъ этого сдѣлавшагося уже неизбѣжнымъ переустройства государства.

Есть ли общественное мнѣніе само по себѣ сила прогрессивная или же сила, задерживающая развитіе? На подобный вопросъ нельзя дать единаго отвѣта. Все

---

[1]) *Чичеринъ.* „О народномъ представительствѣ" (2-е изд. 1889 г.), стр. 662, сл.

зависитъ отъ обстоятельствъ каждаго даннаго случая. Общественное мнѣніе можетъ быть на сторонѣ нововведеній и иногда страстно ихъ требуетъ. Если оно не встрѣчаетъ своевременнаго и достаточнаго удовлетворенія своимъ стремленіямъ, то оно можетъ принять протестующій характеръ и повести къ революціонному взрыву. Въ подобныхъ взрывахъ на ряду съ устарѣлымъ и негоднымъ часто сокрушается многое еще жизнеспособное. Поэтому такіе взрывы обычно вызываютъ за собой реакцію, дѣйствующую нерѣдко съ не меньшею страстностью и насиліемъ. Жизнь и развитіе народа надолго получаютъ неспокойный, болѣзненный характеръ. Но бываютъ и обратныя явленія. Общественное мнѣніе можетъ оказаться упорнымъ хранителемъ установившейся традиціи и противникомъ всякихъ нововведеній, какъ бы разумны и цѣлесообразны они ни казались. Примѣры тому даетъ намъ исторія всенароднаго голосованія новыхъ законовъ (референдумъ) въ Швейцаріи. Здѣсь нерѣдко народъ отвергаетъ законы, прошедшіе чрезъ палату представителей, при чемъ иногда нѣтъ иного видимаго мотива для непринятія мѣры, кромѣ простой нелюбви къ перемѣнамъ и боязни ихъ. Отвергаются даже фабричные законы и другія мѣры, имѣющія цѣлью улучшеніе положенія рабочаго класса. Народъ оказывается болѣе консервативнымъ, чѣмъ его представители [1]). Можетъ-быть, это явленіе стоитъ въ связи съ тѣмъ фактомъ, на который обращалъ вниманіе еще Гольцендорфъ [2]), а именно, будто большой массѣ вообще легче объединиться на чемъ-либо отрицательномъ, нежели на принятіи положительнаго рѣшенія.

---

[1]) См. *Лоуэлль*. „Правительство и политическія партіи въ гос. Зап. Евр.“, стр. 415.

[2]) *Гольцендорфъ*. „Роль обществ. мнѣнія въ госуд. жизни“ (изд. Павленкова, 1881 г.), стр. 86, сл. См. также Schollenberger, Politik (1903 г.), стр. 115.

II. Политическія партіи и ихъ классификаціи.

I.

Важнѣйшимъ факторомъ политической жизни современной Европы и Америки является общественное мнѣніе; общественное мнѣніе, какъ мы видѣли, лежитъ въ основѣ представительныхъ учрежденій, развитіе которыхъ характеризуетъ новѣйшую исторію культурныхъ государствъ, оно же является оплотомъ политической свободы, основныхъ правъ гражданъ.

Но непосредственнымъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія и дѣятельностью офиціально существующихъ представительныхъ учрежденій не исчерпывается политическая жизнь современныхъ культурныхъ государствъ. Чрезвычайно важной ея пружиной является дѣятельность организованныхъ политическихъ партій, которыя въ нѣкоторыхъ странахъ пользуются такимъ вниманіемъ, что представляются сами какъ бы юридически санкціонированнымъ государственнымъ учрежденіемъ. Это можно сказать о традиціонныхъ политическихъ партіяхъ въ Англіи и Сѣверной Америкѣ. Политическія партіи стоятъ, конечно, въ тѣсной связи съ общественнымъ мнѣніемъ, но вполнѣ этимъ понятіемъ не покрываются, а потому заслуживаютъ особаго разсмотрѣнія.

Возникновеніе политическихъ партій объясняется двоякаго рода условіями. Во-первыхъ, отношеніе къ вопросамъ политики не должно непремѣнно опредѣляться

случайными интересами и настроеніемъ минуты; напротивъ, у людей, внимательно слѣдящихъ за политикой, оно получаетъ систематическій характеръ, опредѣляется извѣстными общими принципами и постоянными интересами. На этой почвѣ возможно длительное объединеніе во взглядахъ на политическіе вопросы со стороны людей, у которыхъ оказываются сходными эти основные принципы и постоянные интересы. Во-вторыхъ, даже въ самыхъ просвѣщенныхъ и свободныхъ странахъ нашего времени далеко не вся масса полноправныхъ политически гражданъ проявляетъ такой постоянный интересъ къ политикѣ и подобное систематическое отношеніе къ оцѣнкѣ политическихъ вопросовъ. Напротивъ, лишь сравнительное меньшинство отличается этими чертами, тогда какъ большинство относится въ обычное время къ политикѣ сравнительно равнодушно и только въ исключительные моменты активно отзывается на выдвинутые жизнью важные вопросы. Этимъ объясняется, почему политическія партіи образуются во всякой странѣ съ развитымъ общественнымъ мнѣніемъ, но никогда не заключаютъ въ себѣ всей массы политически управомоченныхъ гражданъ. Эти же соображенія даютъ намъ основаніе для опредѣленія того, что такое политическія партіи.

Извѣстная формула англійскаго политическаго дѣятеля Эдмунда Берка гласитъ, что политическая партія есть „группа людей, которые соединяются, чтобы поставить свои соединенныя силы на службу національному интересу на основѣ единаго принципа, къ которому они всѣ примыкаютъ". Эта формула довольно правильно передаетъ суть дѣла, хотя въ частностяхъ является нѣсколько узкой. Не всегда партіи служатъ именно національному интересу: бываютъ политическія партіи международнаго или даже космополитическаго характера, возможны партіи и для защиты спеціально классовыхъ интересовъ. Не всегда партіи объединяются какимъ-либо однимъ принципомъ: возможна на практикѣ группировка на почвѣ нѣсколькихъ принциповъ, иногда плохо согласованныхъ между собою. Наконецъ, не всегда даже существуетъ рѣзко выраженное разнорѣчіе въ принципахъ между партіями: мы знаемъ примѣры, что партіи держатся своей сложившейся организаціей, потерявши принципіальную основу и будучи

объединяемы только интересомъ сохраненія политическаго преобладанія за группой лицъ, составляющихъ партію.

Но за всѣмъ тѣмъ въ опредѣленіи Берка остаются правильные элементы: политическія партіи суть болѣе или менѣе длительныя соединенія лицъ, которыя внимательно слѣдятъ за политикой и принимаютъ опредѣленное отношеніе къ политическимъ вопросамъ, исходя или изъ общихъ для нихъ всѣхъ принциповъ, или же изъ общихъ интересовъ. По такимъ партіямъ распредѣляются тѣ граждане, которые проявляютъ постоянный интересъ къ политикѣ. Остальная масса, относящаяся обычно къ политическимъ вопросамъ равнодушно, въ тѣхъ случаяхъ, когда вступается въ политическую жизнь, можетъ оказаться на сторонѣ одной изъ партій или разойтись со всѣми ними. Тогда общественное мнѣніе опредѣляется той реакціей, которую оказываетъ на данный вопросъ вся эта масса. Когда же масса относится равнодушно къ вопросу, то общественное мнѣніе можетъ и прямо опредѣлиться соотношеніемъ силъ организованныхъ партій. Во всякомъ случаѣ, если партіи и не являются непосредственными выразителями общественнаго мнѣнія, то онѣ оказываютъ своею организованностью и освѣдомленностью могущественное вліяніе на его сформированіе.

Политическія партіи слагаются, конечно, лишь въ такомъ обществѣ, которое въ достаточно сильной степени начало интересоваться политическими вопросами. Но нельзя сказать, что это должно быть непремѣнно общество политически свободное и надѣленное представительными учрежденіями. Образованіе политическихъ партій можетъ предшествовать появленію политической свободы и даже необходимо ей предшествуетъ, если самая политическая свобода является результатомъ общественной борьбы за ея признаніе. Разумѣется, дѣятельность политическихъ партій получаетъ различный характеръ, смотря по тому, является ли она открытой и легальной, или же должна прятаться и получать оттѣнокъ политическаго заговора.

Въ организованныхъ партіяхъ участвуютъ по преимуществу представители тѣхъ слоевъ общества, которые

располагаютъ сравнительно большимъ досугомъ и поставлены въ сравнительно благопріятныя вообще условія, чтобы выработать себѣ опредѣленное политическое міровоззрѣніе. Сказывается также бо́льшая или меньшая степень зависимости личныхъ интересовъ каждаго члена государства отъ направленія общей политики. Чѣмъ разнообразнѣе составъ общества и чѣмъ различнѣе соціальное положеніе отдѣльныхъ его членовъ, тѣмъ менѣе равномѣрно распредѣляется въ немъ и интересъ къ политическимъ вопросамъ.

Соотвѣтственно съ этимъ и въ исторіи опредѣлился порядокъ вступленія въ политическія организаціи и партіи представителей разныхъ слоевъ и классовъ общества. На первыхъ порахъ политическія партіи Европы составлялись изъ представителей крупнаго и средняго землевладѣнія, у которыхъ довольно рано начали оспаривать политическое преобладаніе представители движимаго капитала. Гораздо позже мы встрѣчаемся съ рабочими организаціями, при чемъ болѣе активное участіе въ политической жизни принимаютъ сперва рабочіе болѣе образованные и лучше оплачиваемые. Крестьянство до сихъ поръ остается сравнительно весьма инертнымъ въ политической жизни классомъ населенія. Женщины въ политическихъ организаціяхъ участвуютъ въ несравненно меньшей степени, чѣмъ мужчины.

Политически неорганизованная масса населенія, какъ сказано, относится въ обычное время равнодушно къ политикѣ. Пока она довольна своимъ положеніемъ, она является даже оплотомъ консерватизма, не любя инстинктивно перемѣнъ. Но эта же масса можетъ сдѣлаться страшной политической силой, если она чѣмъ-нибудь раздражена. Въ ней тогда разыгрываются стихійныя теченія, и она становится воспріимчивой къ самымъ крайнимъ политическимъ доктринамъ.

II.

Вопросъ о классификаціи партій представляетъ немаловажныя затрудненія. Дробленіе на партіи зависитъ отъ массы причинъ мѣстнаго и временнаго характера, а потому распредѣленіе партій можетъ быть весьма различно въ разныхъ странахъ и въ разныя эпохи. Помимо партій болѣе или менѣе постояннаго характера, возможны партіи случайныя и временныя. Поэтому иногда приходится встрѣчаться въ литературѣ съ заявленіями, что вообще никакая классификація партій съ болѣе или менѣе общимъ характеромъ невозможна, что всѣ подобныя классификаціи не отвѣчаютъ дѣйствительности.

Это послѣднее мнѣніе могло бы быть правильнымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы за великимъ разнообразіемъ мѣстныхъ и временныхъ условій не скрывались нѣкоторыя свойства человѣческой природы, которыя остаются всегда и вездѣ неизмѣнными, и нѣкоторыя общія условія, которыя постоянно имѣютъ мѣсто въ историческомъ процессѣ, гдѣ бы и когда бы онъ ни происходилъ. Наличность этихъ общихъ свойствъ и общихъ условій даетъ основаніе надѣяться, что и въ жизни партій окажутся извѣстныя общія черты, которыя дадутъ возможность построить общую для нихъ классификацію. Конечно, необходимо при этомъ помнить, что всякая подобная классификація по существу абстрактна, такъ какъ она исходитъ изъ общихъ только признаковъ, оставляя въ сторонѣ всѣ частности и особенности. Поэтому и пользоваться ею въ конкретныхъ случаяхъ можно лишь съ оговорками, не упуская изъ виду, что она не можетъ уяснить всѣхъ конкретныхъ особенностей существующихъ на дѣлѣ политическихъ партій. Другими словами, она можетъ насъ познакомить только съ типами политическихъ партій, а не съ тѣми отдѣльными политическими партіями, которыя существуютъ на дѣлѣ въ данной странѣ и въ данный моментъ. Такая классификація, конечно, не безполезна, такъ какъ она вскрываетъ передъ нами общія черты, свойственныя политическимъ партіямъ вообще,

и дастъ руководящую нить при изученіи партійнаго режима на практикѣ.

Наиболѣе ходячей классификаціей политическихъ партій является подраздѣленіе ихъ на консервативныя и либеральныя или прогрессивныя. Что это раздѣленіе дѣйствительно существуетъ на практикѣ, въ этомъ насъ убѣждаетъ тотъ фактъ, что нѣтъ ни одного политическаго собранія или корпораціи, имѣющей дѣло съ политическими вопросами, гдѣ бы само собой не произошло раздѣленіе членовъ на „правую" и „лѣвую" стороны. Тѣмъ не менѣе до сихъ поръ не удалось твердо установить, въ чемъ именно заключается различіе между консервативной и либеральной партіей. Ясно, конечно, одно: въ основу этого различія нельзя класть опредѣленное конкретное содержаніе политическихъ программъ; дѣло въ томъ, что это содержаніе мѣняется съ теченіемъ времени и различно распредѣляется между партіями. Поэтому тѣ конкретные принципы, которые сто лѣтъ тому назадъ считались признакомъ страшнаго радикализма, теперь могутъ оказываться подъ защитой партій консервативныхъ. Такимъ образомъ, не изъ конкретнаго содержанія программъ слѣдуетъ исходить при опредѣленіи этого различія, а изъ общихъ принциповъ и признаковъ, которыми эти два теченія политической мысли и тактики опредѣляются всегда и повсюду.

И съ этой стороны различіе опредѣлить не такъ легко. Дѣлалось немало попытокъ къ этому, но многія изъ нихъ на повѣрку оказывались неудачными или потому, что авторъ останавливался на недостаточно характерныхъ признакахъ, или же потому, что авторъ не смогъ самъ отрѣшиться отъ партійности и дѣлалъ свою классификацію съ предвзятой цѣлью возвысить одну партію на счетъ другой. Подобнаго рода отношеніе нежелательно при научномъ изученіи вопроса. Можно всецѣло въ практической дѣятельности примыкать къ опредѣленной политической партіи и въ то же время обладать достаточнымъ научнымъ безпристрастіемъ, чтобы объективно изучать вопросъ о характерѣ различныхъ партій вообще, внѣ условій даннаго момента и данной страны.

Такого рода односторонностями грѣшатъ старыя теоріи Ромера, Абта, Шталя. Ромеръ увлекся неправильной

мыслью поставить классификацію партій въ связь съ различными ступенями развитія человѣческаго духа, которыя съ свою очередь ставилъ въ связь съ различными возрастами человѣка. Такъ получилась теорія, по которой радикальная партія соотвѣтствовала отроческому возрасту, либеральная—юношескому, консервативная—зрѣлому, абсолютистская—старческому. Демократъ Абтъ различалъ консервативную партію отъ либеральной тѣмъ, что первая представляетъ частные интересы и привилегіи, а вторая—интересы человѣчества. Консерваторъ Шталь противополагалъ партіямъ законнаго порядка, основаннаго на волѣ Божіей, партіи революціонныя, защищающія порядокъ, основанный на человѣческой волѣ.

Эти и подобныя теоріи уже не разъ подвергались основательной критикѣ [1]), и мы не будемъ осложнять и расширять чрезмѣрно наше изложеніе ихъ разборомъ, но постараемся въ дальнѣйшимъ выяснить ту точку зрѣнія, которая намъ самимъ представляется болѣе правильной.

III.

Если руководиться общепринятыми названіями этихъ двухъ направленій политической жизни, то опредѣленнаго заключенія сразу получить нельзя. Названіе консервативной партіи указываетъ на ея тенденцію „сохранять"; названіе противоположной партіи содержитъ болѣе или менѣе очевидную антитезу къ этому лишь въ томъ случаѣ, если ее именуютъ „прогрессивной": тогда получается впечатлѣніе, что все дѣло идетъ о сохраненіи настоящаго состоянія безъ измѣненій въ одномъ случаѣ и о движеніи впередъ, объ измѣненіяхъ существующаго порядка—въ другомъ. Дѣло осложняется, однако, тѣмъ, что противоположная партія обычно носитъ названіе „либеральной"; тогда противоположеніе сводится къ тому,

---

1) См. Merkel, стр. 110, сл. Schmidt, Allg. Staatslehre, I, стр. 247, сл.

что, съ одной стороны, выставляется принципъ „охраненія“, а съ другой—принципъ „свободы“. Смыслъ антитезы дѣлается болѣе скрытымъ, и для его выясненія требуется болѣе сложное разсужденіе.

Мнѣ кажется, что и то, и другое названіе лѣвой партіи правильно; каждое изъ этихъ обозначеній указываетъ на одну сторону дѣла; настоящая характеристика партіи можетъ быть получена только путемъ правильной комбинаціи различныхъ признаковъ, односторонне подчеркиваемыхъ ходячими названіями.

Съ одной стороны, различіе партій, дѣйствительно, опредѣляется ихъ отношеніемъ къ прогрессу и измѣненіямъ. Въ исторіи вообще дѣйствуютъ силы двоякаго рода; однѣ изъ этихъ силъ придаютъ поступательное движеніе историческому процессу, вносятъ измѣненія въ существующій порядокъ вещей, другія силы стремятся удержать установившееся положеніе вещей, противодѣйствуютъ тенденціямъ къ измѣненію. И тѣ, и другія силы имѣютъ одинаково важное значеніе для историка, который желаетъ постичь ходъ изучаемаго имъ процесса. Нѣмецкій поэтъ Грилльпарцеръ сравнилъ значеніе этихъ силъ съ ролью гирь и зубчатыхъ колесъ въ часовомъ механизмѣ: не будь зубчатыхъ колесъ, гири моментально опустились бы внизъ, и механизмъ, развивъ необычайную, но кратковременную энергію, остановился бы; только правильное сочетаніе работы гирь съ задерживающей ролью колесъ обращаетъ часы въ механизмъ, точно показывающій время. Исходя изъ этихъ соображеній можно слѣдующимъ образомъ опредѣлить отношеніе между партіями. Партія консервативная есть партія исторической традиціи; она ставитъ себѣ задачей сохраненіе установившагося порядка и въ случаѣ сомнѣнія рѣшаетъ въ пользу сохраненія стараго и противъ реформъ. Если она рѣшается на реформы, то только подъ давленіемъ крайней необходимости и только въ предѣлахъ необходимаго. Напротивъ, либеральная партія выступаетъ сторонницей измѣненія; она принципіально поддерживаетъ реформы и въ случаѣ сомнѣнія высказывается въ ихъ пользу.

Однако такая характеристика была бы явно односторонняя. Не всѣ реформы бываютъ симпатичны представи-

телямъ либерализма. Съ другой стороны, и консерваторы не выступали на защиту отъ измѣненій всякаго уже установившагося порядка. Консерваторы не спасали отъ отмѣны университетскій уставъ 1863 г.; они вообще не защищали законовъ, издашныхъ подъ вліяніемъ идей 60-хъ годовъ. Напротивъ, они охотно поддерживали подобныя устраненія, казалось бы, уже установившагося порядка. Съ другой стороны, либеральныя партіи нерѣдко высказываются противъ рефомъ, направленныхъ, напр., къ усиленію милитаризма, и насъ не только не удивляетъ подобное ихъ отношеніе къ реформамъ, но, напротивъ, мы ищемъ объясненій, если въ извѣстномъ случаѣ партія, имѣющая репутацію либеральной, высказывается въ пользу подобныхъ реформъ. Слѣдовательно, дѣло не ограничивается склонностью одной партіи къ измѣненіямъ, а другой—къ сохраненію установившихся отношеній. Анализъ долженъ быть продолженъ вглубь.

Здѣсь къ намъ на помощь приходитъ другое названіе: терминъ „либеральная" партія. Либеральная партія есть партія свободы. Спрашивается, что же составляетъ антитезу свободѣ?

Дѣло идетъ здѣсь объ одномъ основномъ антагонизмѣ принциповъ, который имѣется въ каждомъ человѣческомъ обществѣ и вытекаетъ прямо изъ природы общества. Человѣческое общество состоитъ изъ отдѣльныхъ людей, которые, входя въ составъ общества, не утрачиваютъ вполнѣ своей самостоятельности; они продолжаютъ жить своей жизнью, имѣть свои индивидуальные интересы, вырабатывать свои оригинальныя воззрѣнія. Но въ то же время и все общество, взятое какъ цѣлое, представляетъ собою единство. Общество надѣлено въ извѣстномъ смыслѣ органической природой; оно живетъ по особымъ законамъ — законамъ соціальной жизни; жизнь его не исчерпывается жизнью отдѣльныхъ входящихъ въ него индивидовъ.

Отсюда возникаютъ двоякаго рода интересы: интересы всего общества, какъ особаго рода соціальнаго единства, и интересы отдѣльныхъ личностей, входящихъ въ его составъ. Эти двѣ группы интересовъ не всегда совпадаютъ. Личность склонна отстаивать свою свободу и независимость, свое право на безпрепятственное развитіе

всѣхъ своихъ свойствъ и задатковъ. И по мѣрѣ культурнаго прогресса это чувство личной свободы и независимости склонно возрастать.

Но и общество, какъ цѣлое, имѣетъ свои интересы. Конечно, оно принципіально не можетъ быть врагомъ личнаго развитія, такъ какъ его благосостояніе въ концѣ-концовъ зиждется на благосостояніи тѣхъ индивидовъ, которые входятъ въ его составъ. Однако бываютъ такія положенія, когда общество, какъ цѣлое, становится въ разрѣзъ съ стремленіями и интересами отдѣльныхъ членовъ. Потребность закрѣпить государственное единство заставляетъ ограничивать личную свободу, и иногда эти ограниченія заходятъ довольно далеко. Они могутъ приводить къ ограниченію права высказывать свободно свои мнѣнія, къ ограниченію свободы передвиженія. Наконецъ, соображенія государственной безопасности иногда приводятъ къ тому, что государство предъявляетъ свои права на самую жизнь гражданъ (воинская повинность). На этой почвѣ возможны трагическіе конфликты между стремленіями личности къ свободѣ и самостоятельности и требованіями, вытекающими изъ принципа государственнаго единства.

Эти соображенія даютъ намъ новый критерій для разграниченія партій. Съ этой точки зрѣнія партіи либеральныя отстаиваютъ, вообще говоря, принципъ личной свободы, а партіи консервативныя—принципъ государственнаго единства, основаннаго на принужденіи личности подчиняться власти государства. Мнѣ кажется, что такая формулировка была бы правильнѣе, нежели, напр., предлагаемая Чичеринымъ формула, согласно которой принципомъ либераловъ является свобода, а принципомъ консерваторовъ—порядокъ [1]). Либералы вовсе не являются сторонниками безпорядка, они такъ же признаютъ необходимость порядка, какъ и консерваторы, но только имѣютъ иныя представленія о порядкѣ: имъ порядокъ представляется достижимымъ на почвѣ свободнаго соглашенія и примиренія интересовъ, тогда какъ консер-

1) *Чичеринъ.* О народномъ представительствѣ (изд. 1899 г.), стр. 684.

ваторы на первый планъ выдвигаютъ начало государственнаго принужденія.

Если съ этой точки зрѣнія консерваторы являются, такимъ образомъ, партіей государственнаго единства на почвѣ принудительной власти, а либералы — сторонниками личной свободы, то, спрашивается, есть ли связь между этимъ различіемъ въ принципахъ и тѣмъ различіемъ, которое мы установили выше, охарактеризовавъ партію консервативную, какъ партію установившейся традиціи, а либеральную, какъ партію реформъ и измѣненій?

Связь, несомнѣнно, существуетъ. Эти два опредѣленія передаютъ лишь двѣ стороны дѣла. Одно обращаетъ вниманіе больше на внѣшность, а другое — на существо дѣла.

По существу прогрессъ государственныхъ формъ въ томъ и состоитъ, что формы государства дѣлаются все болѣе и болѣе мягкими, все болѣе и болѣе свободными. Идеальное состояніе сводилось бы къ тому, чтобы этотъ антагонизмъ личныхъ и общегосударственныхъ интересовъ совершенно исчезъ и чтобы государство представляло собою гармоническое сочетаніе личной свободы съ единствомъ государственнаго цѣлаго [1]). Поэтому обыкновенно реформы предпринимаются именно въ направленіи, указываемомъ этимъ идеаломъ, и въ этихъ случаяхъ получаютъ поддержку либеральныхъ партій. Но такъ какъ въ исторіи бываютъ всевозможныя отступленія отъ общихъ схемъ, то случаются и такія перемѣны и реформы, которыя ведутъ къ противоположной цѣли и опираются на поддержку элементовъ консервативныхъ.

Къ принципу личной свободы близко стоитъ принципъ соціальнаго и политическаго равенства. Въ самомъ дѣлѣ, если требовать для каждаго члена общества свободы въ развитіи всѣхъ его силъ и задатковъ, то отсюда недалеко и до требованія устранить всѣ законныя привилегіи, выкинуть изъ законодательства всѣ нормы которыя покровительствуютъ свободному развитію однихъ и стѣсняютъ такое же развитіе другихъ. А отъ этого

---

[1]) См. мою „Общую теорію права“ (2-е изд. 1905 г.), § 9.

требованія равноправности можно послѣдовательно прійти и къ требованію равенства соціальнаго, т.-е. такого строя общества, въ которомъ отдѣльные члены не пользовались бы преимуществами сравнительно съ другими и съ точки распредѣленія экономическихъ и культурныхъ благъ. И дѣйствительно либеральныя партіи въ большей или меньшей степени склонны поддерживать идею юридическаго или даже соціальнаго равенства. Напротивъ, консерваторы, исходя изъ соображеній государственнаго единства, склонны поддерживать точку зрѣнія неравенства. Они обыкновенно выдвигаютъ впередъ различіе людей въ способностяхъ и отсюда умозаключаютъ къ тому, что не всѣ люди для государства имѣютъ одинаковую цѣнность, а потому не всѣ могутъ претендовать на одинаковое въ немъ мѣсто.

Таково различіе между партіями въ принципахъ. Ему соотвѣтствуетъ обыкновенно и различіе партій по личному составу Было бы неправильно раздѣлять партіи исключительно по этому послѣднему признаку и классифицировать партіи только со стороны ихъ состава. Попытки такого рода существуютъ. Напр., есть такая классификація: партіи дѣлятся на три категоріи: 1) консервативныя, состоящія изъ лицъ, стоящихъ у власти и стремящихся ее удержать за собой; 2) реакціонныя, состоящія изъ лицъ, потерявшихъ власть и стремящихся ее вернуть; 3) прогрессивныя, состоящія изъ лицъ, никогда не имѣвшихъ власти и стремящихся ее пріобрѣсти [1]. Неправильность такой классификаціи обнаруживается уже тѣмъ, что есть страны, гдѣ довольно правильно происходитъ смѣна у власти правительствъ либеральныхъ и консервативныхъ; отъ этого руководящія партіи не утрачиваютъ своего характера.

Но и въ этой мысли есть доля истины. Естественно, что къ охранительному лагерю охотнѣе всего примыкаютъ тѣ лица, частные интересы которыхъ хорошо обезпечены существующимъ порядкомъ и которыя уже по этой причинѣ боятся перемѣнъ. Поэтому до извѣстной степени вѣрно, что ряды консервативныхъ партій попол-

---

[1]) *Еллинекъ.* Право соврем. гос., т. I, стр. 72.

няются обыкновенно и по преимуществу членами господствующихъ классовъ. Но нельзя чрезмѣрно обобщать этого наблюденія и сводить все различіе между партіями къ этому моменту. Есть и такіе члены господствующихъ классовъ, которые по своимъ убѣжденіямъ не могутъ стать въ ряды „охранителей"; бываютъ и обратныя положенія. Самыя различныя побудительныя основанія могутъ приводить различныхъ людей въ одну и ту же партію. Меркель сравниваетъ этотъ процессъ съ уличнымъ движеніемъ: самыя различныя причины привели много людей на одну и ту же улицу; различными причинами опредѣляется и направленіе движенія каждаго изъ нихъ по этой улицѣ; однако въ результатѣ всѣ прохожіе раздѣляются на двѣ колонны, изъ которыхъ одна идетъ вверхъ по улицѣ, а другая движется въ противоположномъ направленіи. Такъ происходитъ и съ партіями. „Одинъ примыкаетъ къ консервативной партіи потому, что онъ находитъ консервативную политику соотвѣтствующей положенію страны и ближайшимъ ея задачамъ, другой— потому, что, какъ крупный землевладѣлецъ, онъ считаетъ такую политику наиболѣе отвѣчающею его личнымъ интересамъ, третій—потому, что въ его семьѣ традиціонна преданность престолу, или потому, что онъ принадлежитъ къ сословію, которому благопріятствуетъ существующій порядокъ, или потому, что религіозное настроеніе представляетъ ему существующія отношенія стоящими подъ высшей санкціей, и т. п. Эгоистическіе мотивы играютъ свою роль рядомъ съ этическими, классовые интересы—рядомъ съ индивидуальными. Тѣмъ не менѣе консервативныя стремленія показываютъ опредѣленное и постоянное направленіе, которое опредѣленно и постоянно отличается отъ направленія либеральныхъ стремленій" [1]).

---

[1]) Merkel, Fragmente zur Sozialwissenschaft (1898 г.), стр. 208.

IV.

Либерализмъ и консерватизмъ—это два главныхъ идейныхъ различія, которыми опредѣляется классификація партій. Но этимъ двучленнымъ дѣленіемъ данная классификація не исчерпывается. Въ предѣлахъ какъ либеральныхъ, такъ и консервативныхъ партій можно констатировать новыя различія; именно, какъ консерватизмъ, такъ и либерализмъ возможны съ разными оттѣнками; съ этой точки зрѣнія въ каждой партіи можно различать направленія умѣренныя и радикальныя. Спрашивается, чѣмъ опредѣляется это новое различіе? Въ чемъ состоитъ разница между консерваторами и реакціонерами, между либералами и прогрессивными радикалами?

Меркель высказываетъ мысль, что между умѣренными и радикалами какъ въ средѣ консерваторовъ, такъ и въ средѣ либераловъ разница сводится не къ принципамъ, а къ средствамъ; средства могутъ быть радикальныя, а не принципы. Вопросъ же о средствахъ каждая партія рѣшаетъ согласно обстоятельствамъ случая. Бываютъ положенія, когда каждый разумный политикъ прибѣгаетъ къ радикальнымъ средствамъ, сжигаетъ за собой корабли. Съ этой точки зрѣнія радикальной можно считать политику и такихъ политическихъ дѣятелей, какъ Кавуръ или Бисмаркъ [1]).

Едва ли можно вполнѣ согласиться съ этими замѣчаніями Меркеля. Мнѣ кажется, что различіе между радикализмомъ и умѣренными направленіями и шире, и глубже, чѣмъ его представляетъ себѣ Меркель. Дѣло касается не однихъ только средствъ, но и цѣлей или принциповъ.

Я бы сказалъ, что по существу разница состоитъ въ томъ, что представители умѣренныхъ направленій какъ при постановкѣ цѣлей, такъ и при выборѣ средствъ

---

1) Merkel, цит. соч., стр. 188, сл.

обнаруживаютъ больше склонности считаться съ исторической необходимостью, съ силой сложившихся отношеній, чѣмъ политики радикальнаго оттѣнка. Поэтому умѣренные легче отступаютъ въ практической дѣятельности отъ чистыхъ принциповъ, легче идутъ на практическіе компромиссы, нежели радикалы. Они болѣе склонны къ политикѣ уступокъ, чѣмъ болѣе крайніе представители либеральныхъ или консервативныхъ идей. Программы послѣднихъ прямолинейнѣе и послѣдовательнѣе съ чисто логической точки зрѣнія. Можно сказать съ извѣстнымъ основаніемъ, что программы умѣренныхъ партій отличаются бо̀льшимъ историзмомъ, тогда какъ программы крайнихъ болѣе раціоналистичны.

Мы видѣли, что основу либерализма составляетъ защита принциповъ личной свободы и равенства. Тѣ же принципы лежатъ въ основѣ программъ и крайнихъ прогрессивныхъ партій. Но тогда какъ умѣренные либералы стремятся провести эти начала въ тѣхъ предѣлахъ, которые представляются имъ достижимыми безъ коренной ломки существующаго государственнаго строя и соціальныхъ отношеній, а потому дѣлаютъ разныя оговорки и ограниченія, радикальныя партіи выводятъ всѣ логическія слѣдствія изъ этихъ принциповъ и ставятъ своею цѣлью ихъ осуществленіе, не останавливаясь передъ перспективой коренной перестройки всѣхъ общественныхъ устоевъ.

Аналогичное положеніе можемъ мы наблюдать и въ правомъ лагерѣ. Въ то время, какъ умѣренные консерваторы склонны итти на уступки либеральнымъ принципамъ, если они видятъ, что сочетаніе соціальныхъ силъ въ данный моментъ дѣлаетъ эти уступки необходимыми, партіи реакціонныя не хотятъ никогда слышать ни о какихъ уступкахъ. Онѣ возводятъ порядокъ, поддерживаемый принудительными средствами, въ непоколебимый догматъ, и всякія отступленія отъ этого догмата склонны разсматривать чуть ли не какъ государственную измѣну. Такъ какъ нормальное развитіе, какъ мы видѣли, всегда идетъ въ направленіи расширенія личной свободы, то идеалы этихъ политиковъ обыкновенно оказываются назади. Они всегда мечтаютъ о возстановленіи какого-нибудь давно отжившаго порядка, когда начало

государственнаго принужденія выдвигалось съ большей рѣзкостью, чѣмъ въ ихъ собственное время. Потому-то эти партіи и получаютъ названіе реакціонныхъ: ихъ мечтой является возвращеніе назадъ, оживленіе чего-либо отжившаго свой вѣкъ и неспособнаго къ жизни. Наиболѣе ретивые представители этого толка такъ далеко заходятъ въ своемъ культѣ государственнаго принужденія, что для нихъ, въ сущности, идеаломъ является „спокойствіе могилы“ въ политическомъ отношеніи, т.-е. такое состояніе, когда граждане не обнаруживаютъ никакого интереса къ общегосударственнымъ дѣламъ и когда рѣдкія проявленія такого интереса немедленно подавляются властью. Выставляя подобные идеалы, реакціонныя партіи, сами того не сознавая, работаютъ надъ ослабленіемъ государственнаго единства, такъ какъ мечтаютъ подрѣзать тотъ жизненный нервъ, внутреннюю психическую связь, на которомъ оно держится.

V.

Какъ уже было указано выше, намѣченная классификація политическихъ партій имѣетъ характеръ абстрактный и схематичный. Съ нею нельзя подступать къ жизни, надѣясь открыть тамъ въ полной чистотѣ указанныя теоретически партійныя различія. Дѣло въ томъ, что ни въ одной странѣ раздѣленіе на партіи не опредѣляется всецѣло этимъ различіемъ основныхъ политическихъ принциповъ. Помимо этихъ принциповъ, группировка партій опредѣляется характеромъ спеціальныхъ условій даннаго мѣста и времени. Поэтому могутъ создаваться чисто мѣстныя или временныя партіи. Таковы партіи династическія, отстаивающія права извѣстной династіи въ данной странѣ, или партіи національныя, выступающія на защиту какой-нибудь національности, недовольной своимъ положеніемъ въ государствѣ. Большое значеніе въ группировкѣ партій могутъ получить, далѣе, вѣроисповѣдныя различія: создаются партіи клерикальнаго характера.

Наконецъ, въ наше время получаетъ весьма важное значеніе группировка партій по различію классовыхъ интересовъ. По мѣрѣ обостренія отношеній между трудомъ и капиталомъ эта группировка все болѣе и болѣе выдвигается на первый планъ. На почвѣ классовыхъ и вѣроисповѣдныхъ различій партіи могутъ принять международный характеръ. Въ Западной Европѣ послѣ революцій 1830 и 1848 годовъ сложились двѣ такія партіи съ международнымъ характеромъ: это — партія католическая, стремящаяся къ возстановленію политической власти католической церкви, и партія соціалистическая, которая на первый планъ выдвигаетъ полное переустройство соціально-экономическаго строя и въ политическихъ реформахъ видитъ только одно изъ средствъ для достиженія этой основной цѣли.

Всѣ эти разнообразныя партіи такъ или иначе распредѣляются на „правыя" и „лѣвыя", т.-е. становятся въ то или иное отношеніе къ охарактеризованному выше дѣленію на либераловъ и консерваторовъ, радикаловъ и реакціонеровъ. Но эта группировка отличается сложностью, такъ какъ въ основѣ отдѣльныхъ партій лежатъ принципы болѣе спеціальнаго характера. Поэтому можетъ оказаться, что извѣстная партія въ однихъ случаяхъ держится либеральной политики, въ другихъ — консервативной, смотря по тому, какія мѣры являются въ данный моментъ выгоднѣе для ея спеціальныхъ цѣлей. На этомъ основана возможность временной коалиціи различныхъ партій въ отношеніи поддержки или противодѣйствія какой-либо мѣрѣ или опредѣленному составу правительства.

Крайнее дробленіе партій неудобно для проведенія парламентаризма, т.-е. такого режима, при которомъ составъ правительства стоитъ въ зависимости отъ наличнаго парламентскаго большинства. Подобный режимъ правильнѣе всего функціонируетъ въ такихъ странахъ, гдѣ имѣются двѣ большія партіи, которыя и смѣняются у власти. Въ классической странѣ парламентаризма—въ Англіи—до сихъ поръ, дѣйствительно, мы встрѣчаемся съ такой группировкой партій. Тамъ до сихъ поръ еще держится установившееся въ XVII столѣтіи дѣленіе на „тори" и „виговъ", соотвѣтствующее болѣе совре-

меньшымъ названіямъ консерваторовъ и либераловъ. Поэтому поклонники парламентаризма особенно отстаиваютъ правильность и желательность именно такого дѣленія. Подобныя мысли мы встрѣчаемъ, напримѣръ, у американца Лоуэлля.

Лоуэлль придаетъ большое значеніе для жизни современнаго демократическаго государства тому обстоятельству, дѣлятся ли партіи вертикально или горизонтально, т.-е. проходитъ ли дѣленіе на партіи черезъ всѣ сословія сообразно политическимъ принципамъ сторонниковъ партій, или же партіи носятъ характеръ классовый, сословный. Перваго рода дѣленіе онъ находитъ въ Англіи, гдѣ съ раннихъ поръ аристократія выступила на защиту низшихъ сословій противъ злоупотребленій власти; образцомъ второго дѣленія въ его глазахъ служатъ партіи современной Германской имперіи. Онъ полагаетъ, что чисто демократическому строю съ парламентарной системой трудно установиться при сословномъ, „горизонтальномъ" дѣленіи на партіи. „Если разграничительная линія проходитъ вертикально, такъ что партія, стоящая у власти, заключаетъ въ себѣ значительную часть каждаго изъ классовъ, каждая часть народа принимаетъ непосредственное участіе въ управленіи; но если эта линія горизонтальная, такъ что партія составляется, главнымъ образомъ, изъ лицъ одного класса, тогда классы, не представленные въ ней, въ сущности лишаются права голоса на все время, пока эта партія господствуетъ. Вмѣсто настоящей демократіи мы имѣемъ правленіе одного класса, которое легко вырождается въ тираннію. Очень вѣроятно, что если бы правящій классъ былъ единственнымъ обладателемъ власти по закону, то тираннія была бы легче, потому что при господствѣ партіи, составленной изъ одного класса, отсутствуетъ какое бы то ни было чувство отвѣтственности передъ остальнымъ народомъ и неизбѣжный переходъ власти отъ одного класса къ другому порождаетъ глубокое ожесточеніе. Такимъ образомъ, пока партіи раздѣляются вертикальными линіями, народное правленіе покоится на прочной основѣ. Но если всѣ богатые люди или всѣ люди образованные соединятся вмѣстѣ,—государство въ опасности, а если всѣ разграничительныя линіи станутъ совсѣмъ горизонталь-

ными, — демократія идетъ прямымъ путемъ къ сословной тиранніи, которая, какъ показываетъ исторія, ведетъ къ диктатурѣ. Вотъ смыслъ заявленій классическихъ публицистовъ, говорившихъ, что государство естественно переходитъ отъ монархіи къ аристократіи, отъ послѣдней—къ демократіи и затѣмъ опять обратно— къ монархіи. Подъ демократіей они понимали не всенародное правленіе, а господство низшихъ классовъ. Даже территоріальное дѣленіе на партіи не такъ опасно, какъ горизонтальное, такъ какъ, если первое можетъ повести къ междоусобной войнѣ, послѣднее ведетъ къ соціальной анархіи и деспотизму. Изъ этого слѣдуетъ, что пока германскія партіи основываются, главнымъ образомъ, на сословныхъ различіяхъ, неограниченное господство рейхстага не дало бы настоящаго народнаго правленія и не было бы благодѣтельно для страны" [1]).

Мнѣ кажется, что, разсуждая такимъ образомъ, Лоуэлль упускаетъ изъ виду одно очень важное обстоятельство, а именно, что группировка на партіи не можетъ быть установлена по какому-либо опредѣленному шаблону. На ней неизбѣжно отражаются интересы даннаго момента и даннаго мѣста. Поэтому въ эпоху, когда на очереди стоитъ тяжба между трудомъ и капиталомъ, распредѣленіе на партіи неизбѣжно должно отражать на себѣ слѣды классовой розни. Едва ли было бы полезно стремиться провести при такихъ обстоятельствахъ какую-либо иную группировку партій, если бы даже такое стремленіе было практически осуществимо. Дѣло въ томъ, что, какъ я надѣюсь показать позже, партійная дѣятельность лишь въ томъ случаѣ бываетъ полезна для страны, когда въ основѣ ея лежатъ, дѣйствительно, жизненные интересы, которые привлекаютъ къ себѣ вниманіе населенія и на самомъ дѣлѣ нуждаются настоятельно въ удовлетвореніи. Внесеніе же какихъ-либо искусственныхъ элементовъ въ дѣятельность и группировку партій только дастъ вредные результаты въ жизни.

И въ самой Англіи въ послѣднее время происходятъ событія, которыя показываютъ, что классовый антаго-

---

[1]) *Лоуэлль.* „Правительства и политическія партіи въ госуд. Зап. Европы" (рус. пер. 1905 г.), стр. 288, сл.

низмъ началъ и здѣсь отражаться на группировкѣ партій; можно думать, что мы присутствуемъ при началѣ разложенія двухъ традиціонныхъ партій, на которыхъ держалась система парламентаризма въ этой странѣ. Въ 1886 г. на почвѣ столкновеній по вопросу объ ирландскомъ гомрулѣ отъ либеральной партіи откололась фракція уніонистовъ; самостоятельную партію составляютъ ирландцы. Либеральныя и консервативныя партіи пополняются изъ землевладѣльческихъ и буржуазныхъ круговъ. Проблемы „имперіализма“ и „милитаризма“ создаютъ рознь между этими кругами и рабочимъ классомъ. Слагается самостоятельная рабочая партія, принимающая соціалистическій характеръ. Всѣ эти явленія заставляютъ сомнѣваться, надолго ли удержится въ Англіи столь симпатичное Лоуэллю „вертикальное“ дѣленіе политическихъ партій.

III. Значеніе партій въ политической жизни народа.

I.

Система политическихъ партій имѣетъ своихъ враговъ, и иногда очень ожесточенныхъ. Мнѣ приходилось нерѣдко встрѣчать людей, въ устахъ которыхъ слова „партія, „партійность“ были чуть ли не бранными эпитетами. Поэтому весьма интересно разобраться въ тѣхъ обвиненіяхъ, которыя возводятся на политическія партіи, выяснить, насколько они основательны и какими причинами вызываются тѣ темныя стороны партійной дѣятельности, которыя окажутся дѣйствительно существующими.

Насколько я могъ выяснить дѣло, вотъ главнѣйшіе упреки, которые дѣлаются по адресу политическихъ партій. Основной недостатокъ системы политическихъ партій состоитъ будто бы въ томъ, что она приводитъ, такъ сказать, къ „механизированію“ политической жизни. Этимъ хотятъ сказать, что партійная организація придастъ шаблонный характеръ политической мысли, препятствуетъ развитію и проявленію свободной мысли. Каждая партія имѣетъ свои догматы, составляющіе ея политическое credo, и отъ своихъ членовъ она, конечно, требуетъ, чтобы онѣ отъ этихъ догматовъ не отступали. Подобные партійные догматы являются результатомъ компромиссовъ между членами партій; они не отличаются

поэтому ни оригинальностью, ни свѣжестью. Будучи разсчитаны на успѣхъ въ массахъ, эти догматы часто стоятъ не на высокомъ политическомъ уровнѣ и не отличаются устойчивостью, если неустойчиво настроеніе массъ. Между тѣмъ эти догматы могутъ пріобрѣтать иногда огромное значеніе вслѣдствіе развитія партійнаго доктринерства. Это явленіе состоитъ въ томъ, что партія начинаетъ руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ слѣпой вѣрой въ излюбленную доктрину и въ угоду ей оставляетъ безъ удовлетворенія самыя справедливыя требованія жизни. Такъ, въ 40-хъ годахъ англійскіе либералы-бентамисты въ угоду своей доктринѣ индивидуализма и невмѣшательства не соглашались на проведеніе законовъ противъ вопіющей эксплуатаціи женскаго и дѣтскаго труда на фабрикахъ [1]. Незадолго передъ этимъ прусскіе консерваторы, окружавшіе Фридриха-Вильгельма III, невзирая ни на что, строили планы возрожденія патріархальныхъ феодальныхъ отношеній средневѣкового типа. Такихъ примѣровъ можно привести массу. Излюбленная доктрина, избавляя людей отъ необходимости анализировать отдѣльные случаи и критически мыслить, даетъ готовые отвѣты на все и получаетъ магическую силу надъ средними умами [2].

Въ другихъ же случаяхъ, именно, когда жизнь не выдвигаетъ проблемъ, волнующихъ массы, политическія партіи могутъ обходиться и совсѣмъ безъ опредѣленной програмы, со сколько-нибудь рѣзкимъ содержаніемъ. Онѣ держатся тогда просто въ силу сложившейся партійной организаціи, которая даетъ имъ возможность оказывать большое вліяніе на ходъ выборовъ. При такихъ условіяхъ партіи обращаются въ орудія борьбы за власть, которая происходитъ не на основаніи принциповъ, а просто на основаніи личныхъ счетовъ приверженцевъ той или иной партіи. Указываютъ, что такой безпринципный характеръ приняли въ послѣднее время, напримѣръ, двѣ большія партіи въ С.-Американскихъ Соеди-

---

[1] См. Dicey. „Lectures on the relation“ etc., стр. 219, сл.

[2] Ср. R. Schmidt. „Allgm. Staatslehre“, т. I (1901 г.), стр. 245, сл.

ненныхъ Штатахъ. Эти партіи сложились въ свое время на почвѣ споровъ о принципахъ объединенія штатовъ С. Америки; тогда онѣ различались въ своихъ принципахъ; затѣмъ онѣ имѣли принципіально различныя программы въ эпоху междоусобной войны. Но теперь онѣ держатся, главнымъ образомъ, заведенной организаціей, обыкновенно не имѣя подъ собой серьезной принципіальной основы и различаясь только своими именами, —партіи республиканской и демократической, — и своимъ личнымъ составомъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда партіи имѣютъ опредѣленныя принципіальныя программы, самый фактъ ихъ существованія,—утверждаютъ противники и критики партійнаго режима, вредно отражается на уровнѣ политической мысли въ странѣ. Дѣло въ томъ, что партіи, уже благодаря своей организаціи и сплоченности, представляютъ изъ себя внушительную нерѣдко политическую силу. Лица, не принадлежащія къ составу партій, не могутъ проложить себѣ дорогу къ политической дѣятельности, такъ какъ не въ состояніи конкурировать съ кандидатами, поддерживаемыми большими партіями. Между тѣмъ именно среди такихъ лицъ чаще всего могутъ встрѣтиться независимые и оригинальные политическіе умы, которые не мирятся съ рамками партійныхъ программъ и съ ограниченіями, неизбѣжно налагаемыми на политическую дѣятельность партійной дисциплиной. Даже изъ среды членовъ своей собственной организаціи партіи выдвигаютъ на политическіе посты преимущественно лицъ болѣе покладистыхъ, относительно которыхъ не возникаетъ сомнѣнія, что они будутъ пользоваться своею властью въ духѣ и по указаніямъ партіи. Отсюда дѣлается общее заключеніе, что партіи понижаютъ общій уровень кандидатовъ при политическихъ выборахъ, обезпечиваютъ торжество посредственностей надъ независимыми людьми съ оригинальнымъ складомъ мысли. Далѣе, указываютъ на то, что партіи, стремясь, по понятнымъ соображеніямъ, обезпечить себѣ успѣхъ на политическихъ выборахъ, въ своей дѣятельности гораздо большее вниманіе обращаютъ на предвыборную агитацію, нежели на серьезное политическое образованіе народа. Онѣ не только не стараются возбудить въ мас-

сахъ народа серьезное критическое отношеніе къ вопросамъ дня, но, напротивъ, стремятся поднять въ немъ слѣпое довѣріе къ вождямъ и программамъ именно данной партіи. Такимъ образомъ, въ дѣятельности партій преобладаютъ средства рекламы, разсчитанной на поднятіе энтузіазма избирателей, на воздѣйствіе со стороны ихъ чувства, а не разума. Для этой цѣли служатъ шумные митинги, декоративно обставленныя процессіи, зажигательнаго характера рѣчи, памфлетная литература. Особенными мастерами въ этомъ отношеніи являются тѣ же американцы, въ жизни которыхъ реклама вообще занимаетъ большое мѣсто.

Въ томъ же стремленіи къ успѣху на выборахъ, партіи иногда пускаютъ въ ходъ и другія средства и пріемы, понижающіе уровень политическихъ выборовъ. Онѣ иногда не стѣсняются ни въ какихъ средствахъ воздѣйствія на избирателей. Тамъ, гдѣ не помогаютъ убѣжденія и рекламы, пускаются въ ходъ средства незаконнаго воздѣйствія, въ родѣ запугиваній и подкуповъ въ разной формѣ. Для подготовленія выборовъ въ своихъ интересахъ партіи прибѣгаютъ къ услугамъ избирательныхъ агентовъ, задачей которыхъ является формированіе надежныхъ кадровъ избирателей. Эти агенты не работаютъ безвозмездно. Если они не получаютъ прямого денежнаго вознагражденія отъ партіи,— что имѣетъ мѣсто нерѣдко,—то они разсчитываютъ на вознагражденіе въ другой формѣ, именно въ формѣ тѣхъ правительственныхъ должностей или депутатскихъ полномочій, которыми они могутъ быть надѣлены подъ давленіемъ пользующейся ихъ услугами партіи. Такимъ образомъ,—въ чемъ насъ можетъ убѣдить примѣръ той же Сѣверной Америки,—развивается особый классъ, такъ называемыхъ профессіональныхъ политиковъ, т.-е. людей, которые спеціально служатъ извѣстной партіи съ цѣлью этимъ путемъ получать мѣста и вліятельные посты, которыми затѣмъ пользуются для пополненія своихъ кармановъ. Въ Сѣверной Америкѣ вознагражденіе этихъ людей правительственными и муниципальными должностями возведено въ систему. Съ каждой смѣной президента республики въ широкихъ размѣрахъ происходитъ увольненіе чиновниковъ, чтобы сдѣлать возможнымъ воз-

награжденіе мѣстами профессіональныхъ политиковъ той партіи, которая провела президента. Подобное „раздѣленіе добычи“ происходитъ даже тогда, когда на выборахъ торжествуетъ та же самая партія, которая одержала побѣду на предыдущихъ выборахъ: и въ этомъ случаѣ надо дать возможность покормиться новымъ членамъ партіи. Еще въ бо̀льшихъ размѣрахъ происходитъ „дѣлежъ добычи“, если побѣду одержала противоположная партія; тогда сторонники побитой на выборахъ партіи изгоняются со своихъ мѣстъ уже безъ всякой пощады. Такая система ведетъ къ тому, что счеты политическихъ партій распространяются и на муниципальные выборы, такъ какъ партіи стараются и замѣщеніе муниципальныхъ должностей сохранить въ своихъ рукахъ.

Чтобы вести въ надлежащихъ размѣрахъ предвыборную агитацію, партіи нуждаются къ денежныхъ средствахъ; необходимо поэтому имъ озаботиться объ ихъ привлеченіи въ кассу партіи. Для этой цѣли собираются разныя добровольныя пожертвованія со стороны приверженцевъ партіи; это открываетъ новое поле для злоупотребленій. Подъ именемъ такихъ „добровольныхъ“ пожертвованій облагаются поборами кандидаты на депутатскія мѣста и на должности, получаемыя при помощи партій. Въ С. Америкѣ и эти поборы возведены въ систему и иногда достигаютъ значительной высоты. Въ Нью-Іоркѣ установился даже постоянный тарифъ: мѣсто судьи стоило 15.000 долларовъ, мѣсто въ конгрессѣ — 4.000 долларовъ, мѣсто въ законодательномъ собраніи штата — 1.500 дол. и т. д. [1]). Недостаточные кандидаты возмѣщаютъ потомъ эти расходы доходомъ, извлекаемымъ изъ полученныхъ такимъ путемъ должностей. Эта же потребность въ деньгахъ ставитъ въ С. Америкѣ партіи въ зависимость отъ крупныхъ промышленниковъ, торговыхъ компаній и трестовъ. Они вносятъ большія суммы въ кассу партіи, чтобы тѣмъ обезпечить ея содѣйствіе при проведеніи необхо-

---

[1]) Ostrogorski, II, стр. 139.

димыхъ для нихъ законодательныхъ мѣръ. Поэтому партійный режимъ содѣйствуетъ торжеству плутократіи въ Штатахъ.

Связывая себя извѣстными обѣщаніями передъ своими клэінтами, партіи заботятся о томъ, чтобы обезпечить за собой должное вліяніе и на дѣятельность представительныхъ учрежденій. Поэтому онѣ строго контролируютъ дѣятельность въ парламентѣ своихъ депутатовъ. Послѣдніе не должны имѣть своихъ сужденій и своей политики, но во всемъ обязаны подчиняться указаніямъ главарей партіи. Иначе они рискуютъ потерей поддержки партіи при слѣдующихъ выборахъ, а въ странахъ, гдѣ партіи захватили въ свои руки все руководство политической жизнью, это равносильно полному отказу отъ дальнѣйшей политической карьеры. Такимъ образомъ, партіи превращаютъ депутатовъ въ простыхъ делегатовъ съ обязательными инструкціями.

Наконецъ, на партіи взводится обвиненіе, что своею дѣятельностью онѣ во всякомъ случаѣ создаютъ промежуточную инстанцію между мнѣніемъ страны и законодательными представительными учрежденіями. Своей агитаціей и митингами партіи нерѣдко производятъ большое впечатлѣніе, создаютъ представленіе о томъ направленіи, которое приняло общественное мнѣніе. Когда же приходитъ случай настоящей провѣрки мнѣнія страны,—напримѣръ, съ помощью выборовъ,—то можетъ оказаться, что мнѣніе страны было совсѣмъ иное, и тѣ политическіе дѣятели, которые положились на показанія партійныхъ заправилъ, сдѣлали ошибку. Такіе случаи бывали на практикѣ. Бывали и обратные, что партіи не предвидѣли и не разсчитывали на побѣду, которую онѣ неожиданно для себя самихъ одерживали на выборахъ. Такъ, въ Англіи въ 1880 г. либеральная партія не предвидѣла своей блестящей побѣды. Въ 1885 г. она ожидала ее въ городахъ, гдѣ, напротивъ, либералы потерпѣли пораженіе, смягченное только ихъ успѣхомъ въ графствахъ. Въ 1886 г. глава либеральной партіи ожидалъ успѣха на почвѣ агитаціи въ пользу ирландскаго гомруля и понесъ пораженіе. Отсюда дѣлаютъ заключеніе, что партіи своимъ шумомъ нерѣдко „фальсифици-

руютъ" народное мнѣніе и вводятъ правительство въ заблужденіе [1]).

Таковы важнѣйшіе аргументы, такъ сказать, практической политики, выдвигаемые противъ системы политическихъ партій. Есть затѣмъ группа аргументовъ теоретическаго, но зато и болѣе радикальнаго характера, съ помощью которыхъ стараются доказать, что партіи вообще представляютъ собой даже въ принципѣ вредное и нежелательное явленіе, съ которымъ надлежитъ бороться всѣми возможными средствами. Эти аргументы выдвигаются приверженцами разныхъ теченій научной и политической мысли, а потому отличаются пестрымъ и иногда противорѣчивымъ характеромъ.

1) Противъ партій высказываются „мирные граждане" и сходящіеся съ ними въ практическихъ стремленіяхъ абсолютисты. Аргументы этихъ лицъ сводятся къ тому, что партіи только нарушаютъ мирное теченіе государственной жизни и впутываются въ дѣла, которыми простымъ гражданамъ не слѣдуетъ вовсе заниматься. Партійные раздоры только вносятъ смуту и несогласія въ жизнь страны и мѣшаютъ правительству спокойно заниматься своимъ дѣломъ. Этимъ сѣтованіямъ „мирныхъ гражданъ" и сторонниковъ извѣстной теоріи „ограниченнаго ума подданныхъ" вторятъ и теоретики извѣстнаго толка. Именно, партійная борьба несимпатична лицамъ, придерживающимся воззрѣній старой „исторической" школы, связанной съ именемъ Савиньи, на развитіе права и государства. По мысли этой школы, нормальное развитіе права происходитъ въ видѣ спокойнаго „органическаго" процесса, въ которомъ изъ заложенныхъ изначала задатковъ мирно выростаетъ все болѣе и болѣе пышное въ своемъ строеніи право. Партійныя распри не вяжутся съ этимъ представленіемъ о мирномъ органическомъ развитіи продуктовъ „народнаго духа" и представляются только помѣхами въ такомъ развитіи, уклоняющими его съ правильнаго пути.

---

[1]) Ostrogorski, La démocratie et l'organisation des partis politiques, т. I, стр. 560, пр. 1; т. II, стр. 253, 412, сл. Merkel, Fragm. z. Sozialwiss., стр. 301, сл.

2) Противъ политическихъ партій, какъ и противъ принципа народнаго представительства, ополчаются сторонники теоріи народнаго суверенитета толка Руссо. По ихъ идеѣ, законодательство должно быть выраженіемъ „народной воли". Политическія партіи вторгаются между народомъ и законодательною властью, выдавая свои одностороннія претензіи за волю всего народа. Вмѣсто единой народной воли получается масса противорѣчивыхъ воль, которыя другъ друга отрицаютъ и находятся въ непрестанной борьбѣ между собой.

3) Наконецъ, партіямъ ставятъ въ вину недостатокъ патріотизма и чувства справедливости, и самое ихъ возникновеніе объясняютъ недостаточнымъ развитіемъ этихъ чувствъ. Мысль состоитъ въ томъ, что если бы сторонники враждующихъ партій были въ достаточной степени патріотичны и справедливы, то они не держались бы одностороннихъ партійныхъ воззрѣній и не защищали бы частныхъ и противорѣчивыхъ партійныхъ интересовъ. Напротивъ, они объединились бы на почвѣ блага родины и на почвѣ стоящей выше всего справедливости.

Всѣ эти теоріи ведутъ разными путями къ одному и тому же выводу: политическія партіи должны быть совсѣмъ уничтожены, какъ явленіе безусловно вредное въ политическомъ отношеніи, не выдерживающее ни научной критики, ни практической повѣрки.

Попробуемъ теперь разобраться во всѣхъ этихъ упрекахъ и возраженіяхъ и сдѣлать собственный выводъ о значеніи партій въ политической жизни народовъ. Начнемъ съ вопроса о томъ, не подлежатъ ли партіи вообще уничтоженію въ силу изложенныхъ принципіальныхъ доводовъ. Если это окажется нежелательнымъ или практически неосуществимымъ, то нельзя ли отыскать причины охарактеризованныхъ выше темныхъ сторонъ партійной дѣятельности и выяснить, насколько эти темныя стороны являются неизбѣжными или же устранимыми.

II.

Что касается приводимыхъ критиками принципіальныхъ доводовъ противъ системы политическихъ партій вообще, то они, по моему мнѣнію, совершенно неубѣдительны.

1) Я не буду останавливаться на точкѣ зрѣнія „ограниченности ума подданныхъ“. Несостоятельность ея въ наше время можетъ считаться доказанной и неоспоримой. Государство не есть нѣчто чуждое для гражданъ; оно изъ нихъ слагается, и участіе гражданъ въ жизни своего отечества только закрѣпляетъ ту психическую связь, на которой держится государственный союзъ. Правда, Меланхтонъ въ свое время проводилъ ту идею, что недостойно добраго христіанина вмѣшиваться въ политическія распри, хотя бы для борьбы съ очевиднымъ зломъ: всегда найдется достаточно людей, которые, будучи сами злы, будутъ искоренять тирановъ. Но едва ли кто согласится на практикѣ предоставить злымъ искоренять очевидное зло, оставаясь пассивнымъ только свидѣтелемъ этого процесса. Эти разсужденія приводятъ насъ къ точкѣ зрѣнія „мирныхъ гражданъ“, которые мечтаютъ о мирномъ жительствѣ, не смущаемомъ никакими раздорами и никакой борьбой. Можно ли согласиться съ такой точкой зрѣнія? Мнѣ думается, что подобныя воззрѣнія на счастье стоятъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ основными свойствами человѣческой природы. Человѣкъ по природѣ—существо активное и счастье свое можетъ искать только въ дѣятельности. Пассивное состояніе удовлетворенности и сытости, которое предносится передъ глазами „мирныхъ гражданъ“, не только не даетъ результатовъ этически цѣнныхъ, но приводитъ къ нравственному застою и къ пониженію духовной жизни. Не даетъ оно и счастья, такъ какъ человѣкъ, чувствующій себя удовлетвореннымъ, непремѣнно подпадаетъ вліянію скуки, т.-е. достигаетъ состоянія, про-

тивоположнаго счастью. Не въ покоѣ, а въ дѣятельности слѣдуетъ искать счастья [1]). Это одинаково вѣрно какъ относительно отдѣльныхъ людей, такъ и относительно народовъ. Эпохи пресыщенной культуры неизбѣжно оказываются эпохами нравственнаго упадка и торжества пессимистическаго міровоззрѣнія. Такія эпохи застоя и спокойствія всегда становятся источниками бѣдствій для народа. Поэтому оживленная дѣятельность и неизбѣжно связанная съ ней борьба интересовъ и воззрѣній никоимъ образомъ не могутъ считаться несчастіемъ для народа. Напротивъ, только въ такой дѣятельности и борьбѣ лежитъ источникъ благосостоянія и культурнаго прогресса. Наконецъ, неправильны и воззрѣнія „исторической школы“ на образованіе права. Нѣтъ той мистической сущности, которую историческая школа называла народнымъ духомъ. Народная жизнь есть непрекращающійся процессъ дѣятельности, въ основѣ которой лежитъ дѣятельность индивидовъ, вступающихъ между собой въ самыя различныя отношенія. И чѣмъ разнообразнѣе вкусы, стремленія и воззрѣнія индивидовъ, тѣмъ полнѣе и богаче содержаніемъ будетъ народная жизнь. Процессъ развитія права поэтому никогда не имѣетъ того характера мирнаго и неуклоннаго стремленія въ одномъ направленіи, о которомъ думали теоретики исторической школы, но является результатомъ борьбы интересовъ и столкновенія мнѣній, при чемъ возможны и періоды застоя, и періоды регресса.

2) Теорія Руссо неправильна въ такомъ же отношеніи, какъ и воззрѣнія исторической школы юристовъ. Точно такъ же, какъ нѣтъ мистической сущности народнаго духа, такъ нѣтъ и той мистической народной воли, о которой мечтаютъ послѣдователи Руссо. Народная воля есть только равнодѣйствующая въ системѣ тѣхъ силъ, которыми являются воли отдѣльныхъ членовъ народа. Борьба этихъ единичныхъ воль и компромиссъ между ними—это единственный извѣстный намъ на дѣлѣ про-

---

[1]) См. болѣе подробное развитіе этой идеи въ моей „Общей теоріи права“, изд. 2-е (1905 г.), стр. 37, сл. См. также мою статью „Этика Ницше“ въ „Русской Мысли“, 1905 г., № 12, стр. 39.

цессъ, въ которомъ складывается народная воля, въ видѣ господствующаго теченія.) Поэтому борьба партій есть только одно изъ проявленій неизбѣжной въ данномъ случаѣ борьбы.

3) Патріотизмъ и идея справедливости не противорѣчатъ существованію партій, и партіи не являются продуктомъ недостаточнаго развитія чувства справедливости или любви къ отечеству. Дѣло въ томъ, что если можно условиться въ опредѣленіи того, чтó такое принципъ справедливости,—хотя соглашеніе и въ этомъ отношеніи еще не достигнуто,—то это еще не поведетъ къ тому, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мы безошибочно будемъ знать, какихъ именно конкретныхъ мѣръ требуетъ этотъ принципъ при данныхъ обстоятельствахъ; о содержаніи конкретныхъ выводовъ изъ абстрактнаго принципа всегда можно спорить, и избѣжать разногласій на этой почвѣ мудрено. Точно такъ же и о томъ, чего именно требуетъ любовь къ отечеству въ данный моментъ, также разногласія неизбѣжны. Поэтому, если бы даже всѣ граждане были проникнуты въ высшей степени патріотизмомъ и стремленіемъ къ справедливости, то это не спасло бы ихъ отъ разногласій. Нельзя, конечно, отрицать, что на дѣлѣ партіи и ихъ вожаки не всегда дѣйствуютъ подъ вліяніемъ этихъ высокихъ чувствъ и принциповъ. Иногда подъ ссылками на справедливость и благо родины скрываются самые узкіе и эгоистическіе интересы. Но въ этомъ виновата уже не спеціально система партій, а несовершенство человѣческой натуры: если бы люди были совершенствами въ моральномъ отношеніи, то и политическія партіи образовывались бы только на почвѣ искренних разногласій о благѣ отечества. Но такъ какъ люди несовершенны, то они при случаѣ извращаютъ не только назначеніе политическихъ партій, но и вообще любой политическій институтъ, заставляя его служить вовсе не тѣмъ цѣлямъ, для которыхъ онъ предназначенъ. То же самое можно сказать и относительно упрека, дѣлаемаго, напримѣръ, Эд. Гартманомъ [1]) по адресу политическихъ партій, а именно, что онѣ вносятъ

---

[1]) Ed. Hartmann. „Das sittliche Bewusstsein" (2-е изд.), стр. 295, сл.

въ политику лживость; не партіи виноваты во лжи, но виноваты въ этомъ тѣ болѣе общія причины, которыя вообще дѣлаютъ общество лживымъ.

Переходимъ теперь къ анализу возраженій практическаго характера. Обыкновенно лица, которыя выставляютъ эти возраженія, съ особенной любовью пользуются примѣрами изъ жизни Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ, гдѣ, дѣйствительно, недостатки партійнаго режима особенно ярко выражены. Поищемъ же въ положеніи политической жизни Сѣверной Америки причинъ, которыми вызываются эти недостатки. Мнѣ думается, что можно указать эти причины и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружить ихъ устранимость.

Прежде всего слѣдуетъ принять во вниманіе особый характеръ политической жизни Америки въ послѣднія десятилѣтія. Политика не выставляла здѣсь особенно широкихъ и новыхъ задачъ, которыя волновали бы народныя массы и привлекали бы къ себѣ ихъ вниманіе. Народъ пользовался большимъ экономическимъ благосостояніемъ, не было крупныхъ тревогъ и осложненій ни внутри страны, ни во внѣшнихъ отношеніяхъ. При такихъ условіяхъ понятно оскудѣніе содержаніемъ партійныхъ программъ. Понятно также, что партіи, состоящія изъ профессіональныхъ политиковъ, могли хозяйничать довольно безпрепятственно. Масса народа не интересовалась въ достаточной степени правительствомъ и его дѣятельностью, такъ какъ правительству никакихъ особенно важныхъ задачъ разрѣшать не приходилось. На почвѣ этого равнодушія массъ къ политикѣ и разрастались иногда до неслыханныхъ размѣровъ злоупотребленія, возможныя при пользованіи партійной организаціей, которая осталась въ наслѣдство отъ того времени, когда партіи выполняли дѣйствительно важную миссію и проводили важные принципы. Значитъ, и въ данномъ случаѣ только подтвердилось то общее положеніе, которое мы выставили выше, а именно, что времена полнаго благополучія и довольства неизбѣжно ведутъ къ оскудѣнію содержаніемъ политической жизни народа и къ пониженію нравственнаго уровня. Конечно, подобное состояніе и въ Америкѣ вѣчно продолжаться

не будетъ. По мѣрѣ истощенія свободныхъ земель, сгущенія населенія и усиленія борьбы за существованіе, по мѣрѣ все возрастающаго вовлеченія Америки въ международную торговую конкуренцію задачи правительства станутъ здѣсь шире, вниманіе населенія къ нимъ возрастетъ, и партіи потеряютъ свой искусственный характеръ и перестанутъ пополняться преимущественно профессіональными политиками. И въ настоящеее время, если злоупотребленія партій достигаютъ чрезвычайныхъ размѣровъ, американское общество пробуждается и кладетъ предѣлъ хозяйничанью слишкомъ откровенныхъ политиковъ. Такъ было нѣсколько разъ въ Нью-Іоркѣ съ знаменитой организаціей Tammany Hall, захватившей въ свои руки все муниципальное хозяйство этого города и совершавшей всевозможныя хищенія; такъ было въ эпоху проведенія закона 1883 года, имѣвшаго цѣлью прекратить систему кормленія членовъ господствующей партіи государственными должностями; такъ было и всегда будетъ въ свободной демократіи со всѣми злоупотребленіями, на которыя народъ, наконецъ, обратитъ вниманіе. Эта возможность встрѣтиться съ народнымъ негодованіемъ заставляетъ въ Америкѣ самыхъ продажныхъ политиковъ быть осторожными и не заводить своихъ злоупотребленій слишкомъ далеко. А когда наступитъ эпоха общаго оживленія политической жизни, которую знатоки предсказываютъ для Америки съ полнымъ основаніемъ, тогда исчезнутъ въ значительной степени подъ непосредственнымъ народнымъ контролемъ всѣ важнѣйшіе недостатки партійной организаціи.

Я указалъ ту причину, которая въ моихъ глазахъ является главнымъ источникомъ золъ. Добавлю, что въ Англіи XVIII вѣка мы встрѣчаемся съ довольно аналогичными условіями; это тоже была эпоха относительно спокойной жизни, не выдвигавшей въ сознаніи тогдашняго населенія особенно важныхъ задачъ. Власть была сосредоточена въ рукахъ землевладѣльческаго класса, который дѣлился на партіи, не имѣвшія рѣзкихъ принципіальныхъ различій и только занимавшіяся оспариваніемъ другъ у друга политическаго преобладанія. Подъ покровомъ тайны, окружавшей парламентскую дѣятель-

ность, эти партіи также виновны были во многихъ злоупотребленіяхъ. Наступила новая эпоха, и этому порядку пришелъ конецъ.

Можно указать еще нѣсколько частныхъ причинъ, которыя благопріятствуютъ въ С. Америкѣ злоупотребленіямъ партій. Здѣсь слишкомъ развита система замѣщенія должностей по выбору. Это, во-первыхъ, чрезвычайно затрудняетъ гражданъ при составленіи избирательныхъ бюллетеней и дѣлаетъ помощь профессіональныхъ политиковъ въ этомъ дѣлѣ почти неизбѣжной. Въ Чикаго, напр., на выборахъ 1896 г. избирателямъ приходилось вотировать по листамъ, содержащимъ въ себѣ 370 кандидатовъ. Во-вторыхъ, такая система при существованіи могущественныхъ избирательныхъ организацій сама по себѣ возбуждаетъ аппетиты профессіональныхъ политиковъ, вводитъ ихъ въ слишкомъ большой соблазнъ. Затѣмъ, тѣ должности, которыя замѣщались не по выборамъ, не были обставлены никакими стѣснительными для администраціи условіями въ отношеніи свойствъ кандидатовъ. Поэтому особенно легко было партійнымъ политикамъ постоянно смѣнять одниxъ чиновниковъ и назначать другихъ изъ своихъ приверженцевъ. Упомянутый уже законъ 1883 года значительно ослабилъ эти злоупотребленія, поставивъ занятіе многихъ должностей въ зависимость отъ сдачи особаго конкурснаго экзамена и затруднивъ смѣщеніе чиновниковъ съ занимаемыхъ ими должностей. Этотъ законъ относится къ федеральнымъ должностямъ, но многіе отдѣльные штаты стали и у себя проводить подобныя же реформы.

Большое значеніе имѣетъ, далѣе, крайнее неравенство въ богатствахъ, наблюдаемое въ Америкѣ. На почвѣ полнаго политическаго равноправія всѣхъ членовъ общества, при которомъ архимилліонеры располагаютъ такимъ же голосомъ, какъ и люди неимущіе, возникаетъ для первыхъ большой соблазнъ повернуть законодательство и выборы въ своихъ интересахъ при помощи денегъ [1]. Въ странахъ, гдѣ нѣтъ такой колоссальной разницы въ

---

[1]) Schalk. „Der Wettkampf der Völker" (1905 г.), стр. 146.

имущественномъ положеніи гражданъ, не можетъ быть и такихъ явленій. Америка — страна глубоко демократическая въ политическомъ отношеніи, но олигархическая въ смыслѣ распредѣленія богатствъ.

И этимъ вопросъ еще не исчерпывается. Необходимо отмѣтить, что во всякой демократіи, гдѣ политическая власть покоится въ рукахъ всей массы народа, уровень политики зависитъ всецѣло отъ культурнаго уровня массъ. Чѣмъ эти массы образованнѣе, чѣмъ выше ихъ нравственное развитіе, тѣмъ внимательнѣе онѣ будутъ относиться къ политической жизни своего отечества, тѣмъ болѣе высокія требованія онѣ будутъ предъявлять къ своимъ политическимъ дѣятелямъ. Чѣмъ выше нравственное развитіе каждаго отдѣльнаго человѣка и чѣмъ жизненнѣе тѣ интересы, съ которыми ему приходится имѣть дѣло въ политикѣ, тѣмъ менѣе поведеніе его будетъ опредѣляться однимъ страхомъ разойтись съ большинствомъ, тѣмъ смѣлѣе выступитъ онъ на защиту своихъ оргинальныхъ идей. Съ другой стороны, развитая и отзывчивая масса гораздо легче распознаетъ и оцѣнитъ истинную оргинальность. Однимъ словомъ, то „механизированіе“ политической мысли партіями и то пониженіе уровня политическихъ дѣятелей, въ которомъ партіи обвиняются, тѣмъ менѣе возможно въ демократіяхъ, чѣмъ выше стоитъ уровень народной массы и чѣмъ интенсивнѣе течетъ народная жизнь. Демократія сама въ себѣ носитъ лѣкарство для излѣченія своихъ болѣзней. Какъ и всякій здоровый и нормальный организмъ, эта форма государственнаго устройства надѣлена въ высокой степени „цѣлительной силой природы“. Точно такъ же только широкое и правильно поставленное образованіе массъ, подкрѣпляемое воспитательнымъ вліяніемъ политическаго опыта, можетъ быть дѣйствительнымъ лѣкарствомъ противъ вреднаго партійнаго доктринерства. Это доктринерство есть плодъ, съ одной стороны, вялости и инертности мысли, съ другой стороны, отсутствія опыта и излишней вѣры въ прямолинейныя теоретическія построенія.

Конечно, и при самыхъ лучшихъ условіяхъ партіи неизбѣжно требуютъ отъ своихъ членовъ извѣстной

дисциплины и умѣнія согласовать свои личныя воззрѣнія съ общимъ убѣжденіемъ партіи. Безъ компромиссовъ здѣсь обойтись вполнѣ немыслимо. Но слѣдуетъ помнить, что таковы условія всякой соціальной дѣятельности. Человѣкъ, живущій въ обществѣ и пользующійся выгодами общежитія долженъ умѣть ладить съ людьми. Человѣкъ, желающій оказывать вліяніе на политическую жизнь своей страны и для этого примыкающій къ извѣстной партіи, долженъ умѣть въ мелочахъ подчинять свои дѣйствія рѣшеніямъ людей, съ которыми по существу онъ мыслитъ одинаково; въ важныхъ случаяхъ возможенъ, конечно, конфликтъ, кончающійся выходомъ изъ партіи одного или даже многихъ членовъ. Какъ мы сейчасъ увидимъ, въ каждой странѣ, живущей правильной политической жизнью, партіи необходимы. Поэтому не вступать въ нихъ и не подчиняться никакой партійной дисциплинѣ могутъ или люди, вполнѣ равнодушные къ политикѣ — хорошими гражданами я ихъ назвать не могу — или же люди, которые примиряются съ ролью „дикихъ“, т.-е. стоящихъ внѣ партій, и тѣмъ самымъ отказываются отъ всякаго реальнаго вліянія на политику, не имѣя нигдѣ поддержки [1]).

III.

Такимъ образомъ, нѣтъ принципіальныхъ доказательствъ вредности и неумѣстности партійной организаціи. Въ то же время нѣтъ и такихъ недостатковъ въ дѣятельности партій, которые были бы неизбѣжны

---

[1]) Ср. Schollenberger, Politik, стр. 84. Bluntschli, Politik als Wissenschaft (1876 г.), стр. 499. „Не составляетъ добродѣтели хорошаго гражданина не принадлежать ни къ какой партіи, и весьма сомнительную славу для государственнаго человѣка составляетъ стоять внѣ всѣхъ партій“.

и принципіально неустранимы. Я не хочу этимъ сказать, что политическія партіи могутъ функціонировать идеально. Конечно, при всякихъ условіяхъ въ ихъ дѣятельности окажутся недостатки. Но я бы просилъ скептиковъ указать мнѣ вообще такое человѣческое учрежденіе, которое бы было лишено недостатковъ.

Къ изложенному слѣдуетъ добавить, что политическія партіи сами по себѣ являются не только полезнымъ, но совершенно неизбѣжнымъ учрежденіемъ. Въ болѣе или менѣе обширномъ государствѣ, въ которомъ граждане перестали пассивно относиться къ политической жизни, неизбѣжны столкновенія разныхъ точекъ зрѣнія и разнообразныхъ, иногда взаимно исключающихъ другъ друга интересовъ. Неизбѣжно и то, что люди, объединяемые однохарактерными воззрѣніями и интересами, соединяются въ группы для защиты общими силами общихъ воззрѣній или интересовъ. Однимъ словомъ, неизбѣжно образованіе политическихъ партій среди лицъ, внимательно слѣдящихъ за политикой. Да при иныхъ условіяхъ политическая жизнь такихъ обществъ стала бы совершенно невозможной, такъ какъ получился бы полный хаосъ различныхъ и разрозненныхъ мнѣній и требованій, въ которомъ разобраться не было бы никакой возможности. Партіи и политическія организаціи вносятъ систему въ это дѣло и упорядочиваютъ ходъ политической жизни, борьбы различныхъ убѣжденій и противоположныхъ интересовъ.

Зло заключается, слѣдовательно, не въ самомъ существованіи партій, которыя не только полезны, но и необходимы, а потому и неустранимы. Причина возможныхъ злоупотребленій коренится въ неправильномъ функціонированіи партійной системы. Особенно увеличиваются темныя стороны партійнаго режима, если самыя партіи теряютъ жизненный характеръ, если въ основѣ ихъ лежитъ не борьба принциповъ, а борьба лицъ за власть, и если масса активно управомоченныхъ гражданъ безучастно относится къ хозяйничанью профессіональныхъ политиковъ. Но мы видѣли, что это—не неизбѣжное состояніе партійной дѣятельно-

сти, а результатъ особыхъ, временныхъ и устранимыхъ причинъ.

Острогорскій, авторъ, посвятившій недавно обширную монографію политическимъ партіямъ современной Англіи и Америки, полагаетъ что въ идеальной демократіи вообще не можетъ и не должно быть двухъ только политическихъ партій. Такія партіи возможны въ эпоху интенсивной борьбы за политическую свободу. Но разъ эта свобода укрѣпилась, и жизнь идетъ нормальнымъ темпомъ, то интересы оказываются слишкомъ сложными и характеръ ихъ слишкомъ измѣнчивымъ, чтобы укладываться въ рамки двухъ большихъ и постоянныхъ партій. Поэтому, по его мнѣнію, идальный порядокъ состоялъ бы въ томъ, чтобы граждане группировались не по постояннымъ партіямъ со спеціальной организаціей, а по отдѣльнымъ кружкамъ, которые ставили бы себѣ задачей отстаиваніе опредѣленнаго какого-либо интереса или воззрѣнія, соединяли бы въ себѣ единомышленниковъ и, выполнивъ свою задачу, уничтожались бы. Только при подобной системѣ, думаетъ авторъ, каждый получитъ возможность примыкать именно къ тѣмъ кружкамъ, программы которыхъ онъ вполнѣ раздѣляетъ. Въ то же время, благодаря дробности и спеціальному характеру партій, уменьшится то нежелательное давленіе, которое теперь искусственно объединенное подъ флагомъ большой партіи большинство или даже меньшинство оказываетъ на массы и на отдѣльныхъ лицъ, стѣсняя свободу мнѣній. Большинство будетъ слагаться благодаря взаимодѣйствію такихъ отдѣльныхъ группъ, и поэтому элементы его будутъ постоянно мѣняться. Выиграетъ при этомъ обсужденіе каждаго вопроса. Въ эту сторону, думаетъ онъ, дѣйствительно, направляется эволюція партій какъ въ Англіи, такъ и въ Америкѣ. Старыя партіи начинаютъ разлагаться, чтобы уступить мѣсто подобнымъ свободнымъ и разнообразнымъ организаціямъ.

Я не думаю, чтобы вообще возможно было давать какіе-нибудь опредѣленные рецепты партійной организаціи. Полагаю, что каждая страна и каждый историческій моментъ содержитъ въ себѣ различныя условія, которыя необходимо принимать во вниманіе при постро-

еніи проекта идеальнаго распредѣленія партій. Замѣчу только, что система Острогорскаго сразу напрашивается на одно общее возраженіе, которое, впрочемъ, предвидитъ и самъ авторъ. А именно: при такомъ дробномъ дѣленіи на партіи станетъ весьма затруднительно правильное функціонированіе парламентарной системы. Ни одинъ кабинетъ не будетъ имѣть за собой прочнаго большинства въ видѣ организованной политической партіи, стоящей у власти. Но Острогорскій [1]) именно этотъ режимъ парламентаризма, при которомъ единое министерство опирается на палатское большинство и падаетъ, потерявши поддержку въ палатѣ, считаетъ вреднымъ и нежелательнымъ въ развитой демократіи. Такой режимъ былъ, по его мнѣнію, полезенъ англичанамъ, пока они вели борьбу съ королевскою властью. Солидарный кабинетъ былъ какъ бы гарнизономъ парламента въ цитадели королевской власти. Но теперь этотъ режимъ, думаетъ нашъ авторъ, устарѣлъ. Тамъ, гдѣ кабинетъ опирается на прочное большинство въ палатѣ, этотъ режимъ только приводитъ къ чрезмѣрному усиленію и фактической безотвѣтственности кабинета въ теченіе всего того времени, пока новые выборы не лишаютъ его партію большинства. Взамѣнъ этого режима Острогорскій предлагаетъ особую систему отвѣтственности отдѣльныхъ министровъ. Глава исполнительной власти назначаетъ отдѣльныхъ министровъ, которые другъ отъ друга не зависятъ, но онъ обязанъ смѣщать каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, если того потребуетъ большинство палаты. Такимъ образомъ, вводится индивидуальная отвѣтственность министровъ; каждаго изъ нихъ свергнуть легче, чѣмъ цѣлый кабинетъ сразу; но это сверженіе будетъ происходить по причинамъ, дѣйствительно касающимся управленія даннаго министра, а не въ результатѣ борьбы за политическое преобладаніе между партіями, которая нѣкоторыхъ министровъ можетъ и не касаться, но при кабинетной системѣ отзывается и на нихъ. Сверхъ того, при этой системѣ легче будетъ подбирать министровъ, руководясь не партійными соображеніями, но

---

1) См. La démocratie et l'organis. des partis pol., II, стр. 669, сл.

ихъ пригодностью къ дѣлу. Въ случаѣ нужды и подобные министры могутъ собираться на совѣты, но это и будутъ совѣты, а не одинъ постоянный совѣтъ министровъ, какъ учрежденіе. Не имѣя возможности въ настоящемъ очеркѣ разбирать вопросъ о парламентаризмѣ и значеніи солидарнаго кабинета, я ограничиваюсь пока только изложеніемъ этого проекта г. Острогорскаго.

Мы закончили нашъ очеркъ. Изъ сказаннаго можно сдѣлать слѣдующіе общіе выводы: 1) Группировка на партіи неизбѣжна въ демократическомъ государствѣ нашего времени. 2) Чѣмъ живѣе интересъ народа къ политикѣ и чѣмъ выше его умственный и нравственный уровень, тѣмъ менѣе шансовъ на развитіе тѣхъ темныхъ сторонъ, съ которыми можетъ быть сопряжена политика партій и тѣмъ жизненнѣе будетъ организація самыхъ партій. 3) Чѣмъ крупнѣе и важнѣе интересы, занимающіе въ данный моментъ вниманіе народа, тѣмъ сплоченнѣе будутъ партіи и тѣмъ большему контролю массъ будетъ подлежать ихъ дѣятельность. Чѣмъ разнообразнѣе эти интересы, тѣмъ легче ожидать возникновенія болѣе дробныхъ партій; чѣмъ мельче политическіе интересы, тѣмъ менѣе политика будетъ привлекать къ себѣ вниманіе народныхъ массъ и тѣмъ свободнѣе будетъ хозяйничаніе профессіональныхъ политиковъ, дѣлающихъ изъ политической дѣятельности выгодную профессію.

Преимущество демократическаго режима состоитъ въ томъ, что онъ самъ въ себѣ носитъ средства для исцѣленія своихъ недостатковъ. Эти недостатки развиваются въ эпохи слабой политической дѣятельности, когда въ массахъ ослабѣваетъ интересъ къ политикѣ и усиливается наклонность къ спокойной частной жизни. Но если народъ достаточно энергиченъ, то онъ пробуждется, лишь только эти недостатки политической жизни начинаютъ давать себя чувствовать, и одного факта его пробужденія достаточно, чтобы искоренить по крайней мѣрѣ вопіющія злоупотребленія. Вообще же, чтобы предотвратить возможность появленія такихъ злоупотребленій, въ демократическихъ государствахъ остается только

заботиться о повышенiи культурнаго и моральнаго уровня массъ, объ умственномъ, нравственномъ и политическомъ воспитанiи гражданъ и необходимо поддерживать оживленный темпъ народной жизни. На почвѣ бездѣйствiя ослабѣваютъ силы не только отдѣльныхъ людей, но и цѣлыхъ народовъ.

2007099472